

ОРИГИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ,
ОСНОВАННАЯ НА БЛОКБАСТЕРАХ
КИНОСТУДИИ «ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ФОКС»

КРИСТОФЕР ГОЛДЕН

ЧУЖОЙ™

РЕКА БОЛИ

Чужой против Хищника

Кристофер Голден

Чужой: Река боли

«АСТ»

2017

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

Голден К.

Чужой: Река боли / К. Голден — «АСТ», 2017 — (Чужой против Хищника)

ISBN 978-5-17-102839-8

Вернувшись на Землю, Эллен Рипли узнала, что планета LV-426, ныне называемая Ахероном, была колонизирована. Та самая LV-426, где экипаж «Ностромо» наткнулся на первого ксеноморфа – безжалостного убийцу, известного как Чужой. Находясь под защитой Колониальных морпехов, колонисты прилагают усилия по терраформированию охваченной бурями планеты. Двое ее обитателей, Энн и Расселл Джорден, ищут здесь счастье, ускользнувшее от них на Земле. На Ахероне Энн рождает первого в колонии ребенка – Ребекку Джорден, прозванную Ньют. Геологи-разведчики обнаруживают огромный догнивающий звездолет. Судно в форме подковы вызывает особый интерес в компании «Вейланд-Ютани» – оно может стать ответом на их мечты. Но тому, что Энн и Расс находят на его борту, – тому, что оказывается его экипажем, – место скорее не в мечтах, а в кошмарах.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102839-8

© Голден К., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	18
5	25
6	31
7	37
8	43
9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кристофер Голден

Чужой™: Река боли

Christopher Golden

ALIEN™: RIVER OF PAIN

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.

Alien ™ & © 2017 Twentieth Century Fox Film Corporation.

All Rights Reserved.

1

НАШ ГОСТЬ

ДАТА: 4 ИЮНЯ 2122 ГОДА

Эллен Рипли долгое время обходила лазарет «Ностромо» стороной. В его белых стенах и ярком освещении исчезали даже малейшие тени, а воздух наполняли звуки машин и электрический шум.

Она же – как уорент-офицер на борту «Ностромо» – провела гораздо больше времени в сером сумраке коридоров и отсеков, который нарушался лишь мерцанием рабочего освещения. И, как ни странно, за годы работы на разных кораблях, ей стало привычнее находиться в тени, чем на свету.

Но здесь было не так.

«Ностромо» прокладывал себе путь в системе Дзета-2 Сетки, везя на Землю двадцать миллионов тонн минеральной руды, когда бортовой компьютер корабля, Мать, откликнулся на сигнал бедствия с планетоида под названием LV-426. Мать вывела экипаж из гиперсна раньше времени и приказала все выяснить.

Рипли это не нравилось с самого начала. Они не были ни исследователями планет, ни колонистами. Это была не их работа.

Но приказ прозвучал четко. Капитан Даллас напомнил ей, что их работа – делать все, что велит Корпорация. И они взялись за дело.

После посадки Даллас, его помощник Кейн и штурман Ламберт вышли на поверхность, чтобы осмотреть источник сигнала – брошенный корабль явно нечеловеческого происхождения. Тогда-то внутренний звонок Рипли и сработал. Они понятия не имели, какая опасность могла поджидать их внутри того корабля, и капитану, старпому и пилоту не стоило это проверять.

Но они попали в кошмар.

После этого Рипли не было уютно среди теней «Ностромо». Она искала лазарет – не ради лекарств, а ради его света. Там уже сидел Эш, научный работник судна. Он пользовался на корабле неким особым положением, и это бесило Эллен. А иногда и вовсе казалось, что он смотрит на остальных, будто на образцы в микроскопе.

И от этого у нее по коже бегали мурашки.

Тем не менее Эш был ученым, а значит – и их надеждой на то, чтобы выяснить, что на самом деле случилось среди неутихающих атмосферных бурь на поверхности LV-426... и что случилось с Кейном.

Но Рипли не могла слепо исполнять приказы – хватит этого с нее! Ей было не по себе от требований, которые предъявляла им Компания, и ее беспокоила озабоченность Матери ксеноморфной жизнью на той мерзкой луне. Но когда Эллен озвучила свои тревоги, никто не захотел ее слушать.

«Ну и черт с ними!» Она не собиралась давать им выбор. На Земле ее ждала дочь – она пообещала Аманде, что вернется домой, и не собиралась нарушать своего слова.

Рипли решила следовать своим инстинктам, задавать все вопросы, которые требовали ответов, и не обращать внимания на то, кто мог от этого пострадать.

Рипли вошла в лазарет тихо, с таким чувством, будто переступила границу чужой страны без разрешения короля. Осмотрела рабочее пространство лаборатории, экраны, белые стены и желтые кнопки – сейчас все было погружено в приглушенное освещение.

Пройдя во второй отсек, Эллен увидела Эша – тот сидел перед видеоэкраном справа от нее. Сам он был невелик, но его присутствие ощущалось очень явно. В его каштановых волосах уже виднелась проседь, а глаза сияли льдисто-голубым цветом.

Эш склонился, чтобы посмотреть в микроскоп, и так увлекся своим занятием, что Рипли удалось пройти по помещению несколько футов незамеченной. Изображение на экране заставило ее содрогнуться от отвращения.

Там было паукоподобное инопланетное существо, вцепившееся в лицо старпома, но различить все детали она не могла. Существо походило на какой-то хвост, обвивший горло Кейна, и каждый раз, когда люди пытались его убрать, оно сжималось сильнее. Разрезать его тоже было нельзя: из мерзкой твари выплескивалась кислота, которая прожигала все на своем пути сквозь три уровня «Ностромо». Еще палуба-две, и она проела бы обшивку, погубив всех.

Эша оно восхищало.

Рипли просто хотела, чтобы оно сдохло.

– Поразительно, – негромко заметила она, кивком показывая на изображение на экране. – Что это?

Эш резко поднял взгляд.

– А, это? – отозвался он. – Пока не знаю, – он выключил экран, выпрямил спину и попытался показаться любезным, что было на него не похоже. – Ты что-то хотела?

«Какая вежливость, – подумала Рипли. – Хотя мы оба сейчас чертовски вежливы».

– Да, я... хотела кое о чем поговорить, – пробормотала она. На самом деле она не знала, зачем пришла. – Как Кейн?

Воздух между ними гудел сам по себе, совсем не так, как при постоянном шуме электричества. Со дня, когда Эш стал членом экипажа – навязанный Компанией перед самым отправлением с Тедуса с грузом на борту, – Рипли испытывала к нему неприязнь. Случалось, что люди воздействовали на нее именно так: стоило им войти в комнату, как она тут же настораживалась. Будь Эллен кошкой – как Джонс, талисман корабля, – от встречи с Эшем у нее вставала бы дыбом шерсть.

Сейчас он старался не смотреть ей в глаза и хотел – она это чувствовала, – чтобы она поскорее ушла.

– Держится. Без изменений.

Рипли кивнула на потемневший экран.

– А наш гость?

Он бегло взглянул на нее.

– Ну, как я уже говорил, я еще... разбираюсь, – ответил Эш. Он поднял планшет-микросканер и изучил дисплей. – Но я уже выяснил, что снаружи он покрыт слоем протеин-полисахаридов. И что забавно, он имеет свойство сбрасывать клетки и заменять их поляризованным кремнием – это дает ему длительную устойчивость к неблагоприятным условиям окружающей среды, – он умолк и быстро ей улыбнулся. – Достаточно?

«Достаточно, – подумала Рипли. – Достаточно ли?» С таким же успехом он мог просто сказать ей выметаться прочь.

– Вполне, – ответила она, но с места не сдвинулась. – А что это значит? – Эллен наклонилась, чтобы заглянуть в микроскоп.

Эш встрепенулся:

– Прошу, не нужно.

Рипли склонила голову и, не удержавшись, изобразила гримасу. Она знала, он очень бережно относился к своей лаборатории, но зачем было так напрягаться, когда она попыталась посмотреть в микроскоп? Ведь она даже к нему не прикасалась.

– Прости, – извинилась она, хотя прозвучало это явно неискренне.

К Эшу вернулось самообладание.

– Ну, тут у нас любопытная комбинация элементов, – объяснил он. – Благодаря этому получается, что он живучий сукин сын.

По телу Рипли пробежал холодок.

– И ты его впустил, – упрекнула она.

Эш с обиженным видом поднял подбородок.

– Я исполнял приказ, ясно? – раздраженно ответил он.

Рипли пристально на него посмотрела и в этот момент точно поняла, зачем зашла в лазарет.

– Эш, когда Далласа и Кейна нет на корабле, команду я, – сказала она.

Он помрачнел.

– Ой, да. Я забыл.

Но это была ложь, и они оба это знали. Он даже не пытался показаться убедительным. Но Рипли беспокоило, почему так? Просто потому, что Эш такой придурок? Или потому что он не признавал ее место в командной иерархии? Или это вообще не было связано конкретно с ней? А может, он просто считал, что ему дозволено делать все что заблагорассудится, без оглядки на последствия?

«Сейчас я положу этому конец», – решила она и вслух добавила:

– Кроме того, ты забыл основной для всех ученых закон о карантине.

– Нет, его я не забывал, – спокойно ответил он.

– Ах, вот как, – сказала Рипли. – Значит, просто нарушил?

Эш недовольно посмотрел на нее. Его правая рука лежала на бедре.

– А ты понимаешь, что случилось бы с Кейном? Его единственный шанс выжить – это вернуться сюда.

Его раздражение принесло Эллен удовольствие. Приятно было видеть, что она может его достать.

– Боюсь, что, нарушив карантин, ты подверг риску все наши жизни, – парировала Рипли.

– Может, мне и стоило оставить его снаружи, – ответил Эш, после чего вернулся в свое привычное состояние отстраненного превосходства. – Может, я и поставил под угрозу остальных, но это был риск, на который я был готов пойти.

Рипли придвинулась чуть ближе, сцепившись с ним взглядом.

– Великоват риск для научного работника, – проговорила она. – Это же выходит за рамки устава, верно?

– Я выполняю свои обязанности так же ответственно, как и ты, ясно? – ответил Эш.

Рипли еще раз скользнула глазами по экрану. Она хотела заглянуть в его компьютер, но не была уверена, что поймет там хоть что-нибудь.

Эш с вызовом смотрел на нее.

– Делай свою работу, – добавил он, – а я буду делать свою, хорошо?

В голове Рипли пронеслась дюжина возможных ответов – ни один из них не был ни вежливым, ни приятным. Но вместо них она лишь сделала вдох, затем выдох и, повернувшись, вышла из помещения. На самом деле ей только и нужно было, чтобы Эш делал свою работу – только складывалось впечатление, будто ему было интереснее существо, вцепившееся Кейну в лицо, чем спасение старпома.

«Почему?»

2 ТОЛЧКИ

ДАТА: 11 ОКТЯБРЯ 2165 ГОДА

Грег Хансард стоял в гуще атмосферного хаоса, бушующего на поверхности LV-426. Ему хотелось кричать. Атмосферный процессор над ним издал громкий металлический скрежет и затрясся так, что он ощутил дрожь машины под ногами.

– Какого черта вы там делаете, ребята?! – рявкнул Хансард по радиосвязи.

Его сердце подскочило в груди и забилось в ритме с грохотом процессора. Он почувствовал, что задыхается в своей дыхательной маске. Грег осознал всю иронию своего положения, но желание сорвать с себя маску от этого не уменьшалось. Хотя, конечно, он бы этого не сделал – песчаная буря, может, и сводила с ума, но не до такой степени.

– Все, что в наших силах, – вот что мы делаем! – прокричал один из инженеров. При таком ревящем ветре Хансард не понял, кто это был. – В корпусе генератора трещина! Если сбросить скорость наполовину, мы сможем починить его, и не придется выключать все полностью.

– Выполняйте! – крикнул в ответ Хансард. – Просто сделайте это, и чем быстрее – тем лучше. Нельзя больше допускать задержек.

– Черт, шеф, мы же не выбирали эту проклятую планету! – ответил инженер.

Хансард с досадой опустил голову.

– Знаю, знаю, – сказал он. – Я сам задушил бы того идиота, который ее выбрал.

– Хансард, тебе стоит подойти сюда! – еще один голос по радио. Его он сразу узнал.

– В чем дело, Наджит? – спросил Грег, начав обходить машину. Атмосферный процессор возвышался над его головой на шестьдесят семь футов¹, вибрируя, стуча и выплевывая пригодный для дыхания воздух.

– Лучше сам посмотри, – ответил Наджит.

Внутри процессора находилось три инженера и еще шесть – снаружи. Наджит был конструктором. Уже шесть лет Компания пыталась терраформировать LV-426 – теперь ее называли Ахероном, – и уже закладывала фундамент для будущей колонии. Основное здание центрального комплекса было готово – там вместе со строителями и инженерами сейчас жила дюжина колонистов. И управлял всем колониальный администратор, Эл Симпсон.

Однако не проходило и дня без того, чтобы Симпсон не обрушивался с критикой, требуя ускорить процесс терраформирования. И насколько мог сказать Хансард, Симпсон был идиотом, который работал на людей, чей идиотизм простирался до куда более крупных масштабов.

Колония – ее называли «Надеждой Хадли», в честь одного из разработчиков проекта, – была основана совместными усилиями правительства Земли и корпорации «Вейланд-Ютани». Она находилась под управлением колониальной администрации, которая, по общепринятому мнению, придерживалась всех правил, установленных Межзвездной торговой комиссией. Сам Ахерон не был планетой в полном смысле слова, хоть и считался ею. Это была просто глыба, зависшая черт знает где, одна из лун планеты Кальпамос.

Бури, состоящие из слепящих потоков ветра, песка и пыли, не стихали здесь почти никогда. И как бы плотно Хансард ни закупоривал свои маску, капюшон и защитный костюм, песок все равно проникал повсюду.

Повсюду.

¹ Около 20 метров. Здесь и далее – прим. перев.

Каждый хренов день.

Из всех возможных вариантов для колыбели новой людской колонии «Вейланд-Ютани» выбрала именно это место – почему? Атмосферные условия не позволяли даже составить нормальные карты из космоса, но какой-то засранец все равно решил построить здесь первоклассное жилье.

Хансарду казалось, будто само это место было против их присутствия. Им удалось установить атмосферные процессоры с разными промежутками по всей поверхности, но самый важный – огромный, собороподобный «Процессор Один» – был еще не достроен. И при этом они постоянно сталкивались с самыми разными трудностями. От толчков в земле появлялись трещины – как-то в такую даже провалился один из мелких процессоров. Рабочий процесс то и дело затягивался из-за всякого рода происшествий, ошибок геологов и неисправного оборудования.

И вот теперь... а что теперь?

Ощущая тревогу от издаваемого машиной стука, он прошагал вокруг основания процессора. Земля тряслась, и Хансард подумал, что, наверное, он дрожит и сам. Во рту у него стоял вкус грязи.

– Наджит? – позвал он, думая, что тот уже должен был находиться где-то рядом.

– Я здесь! – последовал ответ.

Всмотревшись в беспокойную завесу песка, Хансард разглядел три фигуры. Но они находились вовсе не у процессора, а стояли в дюжине футов от корпуса машины, уставившись на землю.

«Вот дерьмо, – подумал Хансард. – Только не говорите, что...»

Процессор трясло. Хансард обернулся вокруг, чтобы посмотреть на него, затаив дыхание. Машина содрогалась так сильно, что было заметно, как корпус сдвигается с места. Вдруг до него дошло, что толчки исходили не только от машины.

– Сукин сын! – крикнул он.

Скрежет металла внутри сооружения перерос в скрипучий грохот.

Повернувшись обратно, Хансард побежал к остальным. Их действительно оказалось трое. Но внутри находилось еще трое. Внутри этого скрежещущего, стонущего металла.

– Что за... – начал он.

– Еще один разлом! – крикнул Наджит.

Подойдя поближе, Хансард смог увидеть трещину в земле, в которую, будто песок, высыпались плотные комья атмосферной пыли и вулканического пепла. Наджит обежал трещину, проследовав вдоль нее от самого процессора, чтобы определить длину, затем остановился и повернулся к одному из двоих конструкторов.

– Пятнадцать футов! – крикнул он. – И она растет!

Но Хансарда не заботило, на какое расстояние трещина тянулась от процессора. Он побежал к внешнему корпусу и уставился на щель в том месте, где она появлялась из-под машины.

– Нет, – зашептал он. – Нет-нет-нет-нет!

Он смотрел сквозь завесу сдуваемого ветром песка. Процессор вздрогнул, и лязг изнутри напомнил ему архивную видеозапись работающего древнего локомотива, которую он когда-то видел.

– Вырубите его! – рявкнул он. – Вырубайте все и вылезайте оттуда!

– Шеф... – осторожно начал Наджит.

Хансард набросился на троих конструкторов.

– Возвращайтесь, идиоты! – приказал он, активно жестикулируя. – Вы что, забыли про «Процессор Три»?

По радио были слышны голоса инженеров, находившихся внутри. Они кричали друг на друга – приказы и ругательства смешивались в исполненный паники коктейль.

– Думаешь, будет хуже? – крикнул Наджит.

Земля по-прежнему сотрясалась. Дрожь локализовалась, но сколько она еще продлится – сказать было нельзя. Прежде чем приступить к строительству, они полтора года занимались изыскательскими работами, однако никаких признаков локализованных толчков не выявили.

До тех пор, пока не стало слишком поздно.

– Уже и так достаточно плохо! – гаркнул Хансард.

Процессор ахнул, и гул внутри затих, хотя корпус продолжал трястись. Когда буря ненадолго ослабла, он смог осмотреть машину сбоку и заметил трещину в гладкой металлической поверхности – она зияла в двадцати футах над землей.

«Дерьмо!»

– Выметайтесь оттуда, сейчас же! – крикнул он. – Нгуен! Мендес! Выме...

Вдруг Хансард остановился и посмотрел себе под ноги. Земля вроде бы замерла, толчки ослабли. Он на несколько секунд затаил дыхание, пока не появилась уверенность, что все, наконец, прекратилось. Пусть это было и неважно.

Процессор можно было отремонтировать, но зачем? Еще толчок – хоть завтра, хоть через десяток лет – и все может развалиться опять. Эту машину оставалось просто бросить – забрав лишь части этого металлического корпуса, построенного на земле, которую они считали более надежной. Но на Ахероне никогда нельзя было быть уверенным в надежности чего-либо.

– Шеф, – проговорил Наджит, становясь рядом с ним.

Хансард смотрел на бурю, обдуваемый ветром.

Поверженный.

Кто бы ни дал LV-426 ее новое название, он явно имел хорошее представление о его нелепости. В греческой мифологии Ахероном называлась одна из рек загробного мира. И значение у этого слова было довольно мрачное.

Река боли.

3

РЕБЕККА

ДАТА: 15 МАРТА 2173 ГОДА

Расс Джорден смотрел на капельки пота на лбу своей жены и чувствовал, как его сердцу становится тесно в груди. Она сжала его руку так крепко, что он ощутил, как кости в ней соприкоснулись друг с другом. Он заметил, что она задержала дыхание, а лицо скривилось в маске ярости и боли.

– Дыши, Энн! – взмолился Расс. – Давай, милая, дыши.

Энн сделала вдох, и все ее тело расслабилось, а через мгновение она сжала губы и начала протяжно выдыхать. Последние несколько часов она выглядела бледной, но теперь лицо ее казалось почти серым, а круги под глазами посинели. Она склонила голову набок и с мольбой посмотрела на мужа, будто прося что-нибудь предпринять, хотя они оба знали, что он мог лишь сидеть рядом и, как прежде, любить ее.

– Почему бы ей просто не вылезти сюда? – спросила Энн.

– Ей и там уютно, – ответил Расс. – Там тепло и она слышит, как у тебя бьется сердце. А здесь большая, пугающая вселенная.

Энн опустила взгляд на свой огромный живот – за последние пару часов тот сильно сместился вниз. Потом нахмурилась, так что лоб прорезали строгие линии.

– Давай, вылезай, малышка. Если хочешь стать частью нашей семьи, ты должна быть смелой и немножко сумасшедшей.

Расс тихо рассмеялся, но расположения к юмору сейчас не чувствовал. Энн мучилась родами уже семнадцать часов, и за последние три шейка ее матки не раскрывалась шире семи сантиметров и уже на шестьдесят процентов сгладилась. Доктор Комиски дала ей выпить средство для резкого старта процесса, предупредив, что стимуляция может усилить родовую боль.

Энн издала глухой стон, и ее дыхание участилось.

– Расселл...

– Она скоро выйдет, – успокаивал он. – Обещаю. – И тихонько добавил: – Давай, Ребекка, уже пора.

В палату вошел медбрат. Энн в этот момент сжала зубы и выгнула спину, напрягшись всем телом. Расс задержал дыхание вместе с ней – при виде ее боли ему хотелось кричать. Он с тревогой и отчаянием оглянулся на вошедшего.

– Ты можешь как-нибудь ей помочь, Джоэл?

Медбрат, худощавый и темноволосый, сочувственно покачал головой:

– Я же говорил тебе, Расс. Она хотела, чтобы все прошло естественно – так же, как было с Тимом. Сейчас уже поздно давать ей что-либо, от чего ей могло бы стать существенно легче. Болеутоляющие, которые она уже приняла, – лучшее, что мы можем сделать, не причинив вреда ребенку.

Энн выругалась на него. Джоэл подошел к койке и положил руку роженице на плечо, и та снова начала дышать, расслабившись после очередных схваток.

– Доктор Комиски будет здесь через секунду и еще раз тебя осмотрит.

Расс сверкнул взглядом на медбрата.

– А если у нее состояние еще не улучшилось?

– Я не хочу кесарева! – отрезала Энн, говоря между вдохами.

Джоэл похлопал ее по плечу.

– Ты же знаешь, это совершенно безопасно. А если ты беспокоишься из-за шрама...

– Не мели ерунды, – задыхаясь, проговорила Энн. – От кесарева сечения не оставалось шрамов еще со времен, когда родилась моя бабушка.

– Вот и я о том же, – ответил медбрат. – Ради ребенка...

Энн, словно огорошенная, повернулась, чтобы взглянуть на него.

– Джоэл, скажи, с ребенком что-то не так?

– Не сейчас, – ответил Джоэл. – Все, что мы видели, выглядит совершенно нормальным, анализы крови и генов тоже говорят, что ребенок здоров. Но могут возникнуть осложнения, если... Слушайте, об этом я правда не могу говорить, лучше, чтобы доктор Комиски сама все рассказала.

– Черт возьми, Джоэл, мы знакомы уже два года! – гаркнул Расс. – Колония у нас маленькая. Если тут есть о чем беспокоиться...

– Нет. Просто помолчите, – сказал Джоэл, выставив перед собой руку. – Если бы вы были одни, беспокоиться стоило бы. Но вы не одни. Здесь есть медицинский персонал, который наблюдает тебя, Энн, и твоего ребенка. И вся колония ждет, когда твоя девочка нам явится.

Энн вскрикнула и снова сжала руку Расса. Он взглянул на красивое лицо своей жены, искаженное сейчас от боли, и понял, что одной из влажных бусинок на ее щеке была вовсе не капля пота, а слеза. И что все это уже давно стоило прекратить.

– Веди сюда Комиски, – приказал Расс.

– Она появится здесь в любую... – начал было Джоэл.

– Веди ее!

– Ладно, ладно, – Джоэл поспешил из комнаты, оставив Джорденов наедине с их страхом, надеждой и ребенком, который, похоже, не горел желанием с ними познакомиться.

Между Рассом и Энн повисло тревожное молчание. Она, истощенная, использовала промежутки между мучительными пиками схваток, чтобы дышать, отдыхать и молиться, чтобы, когда доктор Комиски вернется, ее шейка матки успела расшириться полностью и она смогла вытолкнуть из себя ребенка.

– Я не понимаю, – устало прошептала она. – Когда я рожала Тима, между первыми и последними схватками прошло всего четыре часа. А спина... боже, она так не болела. Что же не так?

Расс пристально смотрел на белые гладкие мониторы, установленные над койкой и рядом с ней. Если с ребенком что-то случится, то там сразу же сработает сигнал, но пока приборы лишь мигали голубыми и зелеными огоньками и издавали слабый, почти музыкальный шум. А за мониторами, в тишине и темноте, стоял куда более крупный агрегат – это был огромный блок под прозрачным, по большей части, колпаком.

Если бы Комиски пришлось извлекать ребенка хирургическим путем, она поместила бы Энн в этот блок. Но та боялась вовсе не шрамов – а того, что тогда ей будут заниматься уже не человеческие руки. Блок натальной хирургии выполнял кесарево сечение полностью самостоятельно, и мысль об этом ввергала обоих Джорденов в ужас. Люди могли где-то промахнуться, но их хотя бы заботил результат. А машины не осознавали ни последствий, ни ценности жизни.

– Неужели мы ошиблись? – спросила Энн отрывисто.

Расс приложил к ее лбу холодное, влажное полотенце.

– С Тимми все было легко, – сказал он. – Мы и подумать не могли, что иногда бывает вот так. И рожать естественным путем казалось разумной идеей.

– Я не об этом, – сказала его жена, слабо взмахнув рукой и пошевелив пальцами, будто пыталась стереть его ответ. – Я имею в виду, когда мы прилетели на Ахерон. В «Надежду Хадли».

Расс нахмурился.

– У нас не было выбора. Дома не было работы. Нам вообще повезло, что выпала возможность работать на другой планете. Понимаешь...

– Понимаю, – проговорила она, а затем напряглась, шумно выдыхая сквозь зубы с началом новых схваток. – Но заводить детей... здесь...

Мониторы мигнули красным, всего на мгновение – и Энн замерла и закричала от боли.

– Все, хватит! – рявкнул Расс.

Он вскочил с места, завалив стул, и хотел уже направиться к двери, но Энн не выпустила его руку из своей. Он повернулся, чтобы сказать ей, и увидел, что на мониторах все снова зазеленело. И никаких сигналов больше не звучало.

Но ему было все равно. Одного мигания – достаточно.

– Комиски!

Когда он набрал в грудь достаточно воздуха, чтобы выкрикнуть фамилию еще раз, доктор Теодора Комиски залетела в палату. Это была приземистая женщина с голубыми глазами и объемными каштановыми кудрями. Джоэл покорно проследовал за ней.

– Давайте посмотрим, насколько мы продвинулись, – улыбаясь, сказала врач, жизнерадостная, как никогда.

– Да мы уже половину этой долбаной Вселенной прошли! – прорычал Расс.

Он ненавидел эту фальшивую бодрость, которой врачи так часто прикрывались, будто маской, и ему хотелось накричать на доктора Комиски, чтобы сорвать эту маску. Но это ничем бы не помогло ни Энн, ни ребенку. Ему оставалось лишь стоять и смотреть, как эта бочкообразная женщина, натянув медицинские перчатки, взгромоздилась на стул и, опустившись между бедер Энн, стала шарить там, будто искала потерянную вещь.

– Я чувствую головку, – сказала доктор Комиски заботливым тоном. – Теперь я поняла, в чем дело. Ребенок неправильно лежит...

У Расса сжалось сердце.

– Что это значит?

Комиски не ответила, вместо этого обратившись к Энн:

– Она лежит личиком к твоему животу, поэтому задняя часть ее черепа давит тебе на крестец... на копчик. Но хорошая новость в том, что ты уже полностью раскрылась и сгладилась. Ребенок вот-вот появится, чтобы стать прекрасной принцессой «Надежды Хадли».

Расс опустил голову.

– Слава богу.

– А в чем... – проговорила Энн, всасывая воздух, – в чем плохая новость?

– Плохая новость в том, что это вызовет у тебя адскую боль, – ответила Комиски.

Энн встряхнулась, испытав облегчение.

– Я готова, Тео. Давай вытащим нашу новенькую Ньют сюда.

Расс улыбнулся. Они называли так ребенка уже несколько месяцев, представляя, как она растет – сначала крошечная частичка, потом полноценный развившийся зародыш.

– Ну хорошо, – сказала доктор Комиски. – Когда в следующий раз будут схватки, ты должна...

Но Энн ничего не нужно было объяснять. Рожать ей было не впервой. Схватки начались, и она опять завопила, но на этот раз это был не крик боли, а скорее боевой клич.

Тринадцать минут спустя доктор Комиски передала Ребекку Джорден в руки матери. Расс улыбался так широко, что у него болели мышцы лица, а грудь так переполнялась любовью, что казалось, он вот-вот лопнет. Энн поцеловала малышку в лоб, а Расс дотронулся до ее крошечной головки, и ребенок крепко ухватился за его палец, сразу проявив свою силу.

– Привет, новенькая Ньют, – прошептала Энн ребенку и еще раз ее поцеловала. – Ты смотри мне, а то это прозвище так и пристанет.

Расс рассмеялся, и Энн повернулась к нему с улыбкой.

«Ньют, – подумал он, – повезло же тебе, малышка».

ДАТА: 2 АПРЕЛЯ 2173 ГОДА

Когда в «Надежде Хадли» открылся новый рекреационный центр, никто не озаботился тем, чтобы устроить что-нибудь наподобие старинного обычая перерезания ленточки. Эл Симпсон, колониальный администратор, просто открыл дверь нараспашку – и гуляния начались. Братья Финч принесли несколько бутылок домашнего виски, Саманта Моне с сестрой все украсили, а повар Брона Флэрти выложила целый ассортимент пирожных и печенья, приготовленных специально по этому случаю.

Но главной звездой вечера стала Ньют Джорден, уже двух с половиной недель от роду. Эл Симпсон стоял в углу основного зала и потягивал из чашки кофе по-ирландски, наблюдая, как остальные колонисты по очереди нянчились с малышкой.

Завернутая в одеяло и убаюканная на руках матери, она казалась прекраснейшим созданием, безо всяких оговорок. Сам Эл не очень-то любил маленьких детей – они как правило представляли собой плачущие и какающие машины, внешне походящие на скукоженных безволосых обезьян. Впрочем, маленькая Ньют была не такой. От нее он не слышал ни звука с начала вечеринки, а благодаря ее большим красивым глазам казалось, будто с этого румяного, здорового детского личика на него смотрит любопытная, зрелая душа.

Сын Джорденов, Тим, сам был младенцем, когда они только прибыли на LV-426, но появление Ньюта стало событием для всей колонии – она была первым ребенком, родившимся на Ахероне. Эл подумал, что если все дети в колонии получатся такими же, как Ньют, то это будет не так уж плохо. Но ему все же казалось, что Ньют – это исключение и пока не стоило менять свое отношение к новорожденным... и к детям вообще, если уж задуматься.

– Милый ребенок, – произнес кто-то рядом.

Эл дернулся, выплеснув кофе из чашки, ругнулся, обжегши пальцы, и перехватил чашку из правой руки и левую.

– Не подкрадывайся ты так! – сказал он и, смахнув с пальцев капельки кофе, подул на кожу.

– Черт, Эл, прости, – проговорил Грег Хансард, сочувственно поморщившись.

Симпсон еще раз встряхнул руку, и боль стала проходить.

– Хорошо хоть я подлил туда ирландского виски, – проворчал он. – Это его немного охладило.

Хансард улыбнулся:

– Ну, раз уж ты не так сильно обжегся, то, может, покажешь мне, где прячешь бутылку?

Элу не очень хотелось делиться, но Хансард был главным инженером колонии и всегда мог составить хорошую компанию. Так что администратор рассудил, что пару унций из своих запасов выделить ему по силам.

– Может, и покажу, – сказал он и сделал долгий глоток из своей чашки. Прежде чем налить Хансарду, он хотел допить свой кофе, пока тот был горячим. – Пожалуй, ты прав. Ребенок у Джорденов очень милый. Не знаю даже, как так получилось, у таких-то родителей.

Хансард издал сухой смешок.

– Да, они те еще неряхи.

Эл ухмыльнулся, пряча улыбку за чашкой и осматриваясь по сторонам. Он всегда имел множество мнений сразу, но колонисты были вынуждены находиться вместе, и если бы колониальный администратор начал злословить о людях у них за спиной, это здорово осложнило бы жизнь в «Надежде Хадли». С другой стороны, его вовсе не раздражали ни непослушные кудри Энн Джорден, ни внешний вид Рассы, который постоянно выглядел так, будто перепил накануне вечером.

– Разведчики все неряхи, разве нет? – негромко отозвался Эл.

– От них одни неприятности, вот что я скажу, – ответил Хансард. Он кивнул в сторону людей, которые продолжали ворковать и ахать над младенцем. Отто Финч наклонился, чтобы поговорить с юным Тимом, сыном Джорденов, и дал ему какую-то меховую куклу. – Они неплохие люди, эти Джордены. Но я переживаю за пацана.

Эл, нахмурившись, повернулся к нему. Последняя фраза ему не понравилась.

– И почему же?

Хансард скорчил гримасу и сдвинул брови, будто уже сожалел о своих словах.

– Грег, ты сам начал, – сказал Эл. – Я администратор и не могу оставить это без внимания. Если ты думаешь, что у нас есть проблема...

– Смотря что ты называешь проблемой.

Эл бросил еще один взгляд на Джорденов. Родители выглядели уставшими, но оба счастливо улыбались, гордые своей маленькой семьей. Они были из числа изыскателей, которые работали в колонии, но, как и половина изыскательской группы, подрабатывали разведыванием недр – исследовали поверхность секторов планетоида в поисках залежей минералов, мест падений метеоритов и прочего, что могло представлять интерес для Компании. Научной группе «Вейланд-Ютани», работавшей в колонии, разведчики требовались для того, чтобы извлекать грунт и образцы пород, а также составлять карты. И нередко экспедиции оказывались очень опасными.

– И дело не только в их образе жизни, – произнес Хансард задумчиво. – Да, у колонистов будут появляться дети. В этом и суть нашей задачи, которой мы тут занимаемся. Но разведка – это рискованное дело, а Энн и Расс, кажется, не осознают всей опасности. И это беда для большинства из этих ребят – кто будет растить их детей, случись что? А Джордены... ну, они зашли еще немного дальше, так ведь? Даже сегодня Расс взял Тима с собой на тягач и проехал десять километров на север.

Эл пристально на него посмотрел.

– Ты в этом уверен?

Хансард кивнул.

– Я не хочу раздувать тут что-либо. По крайней мере, сегодня. Но ребенку находиться там опасно. Я побывал во стольких атмобурях, сколько никто другой и не видел, и если тягач застрянет...

Эл поднял руку.

– Я с тобой согласен, но правилами это не запрещается. Я говорил об этом некоторым разведчикам, но они отнеслись к моим словам по-фермерски – мол, это дела семьи, и если они берут детей в поля, то это затем, чтобы их учить, чтобы вырастить их хозяйственными.

– Это бред.

– А я и не говорю, что согласен с ними, – Эл почесал заднюю часть шеи и резко ощутил усталость. – Как по мне, виновата «Вейланд-Ютани», если хочешь знать правду.

Хансард изогнул бровь.

– Это опасное мнение, Эл. За такие разговоры можно потерять работу.

– Мы сидим на голом камне, где Компания пытается зародить цивилизацию. Вряд ли им есть какое-то дело до того, что я говорю – лишь бы я делал то, что должен. А с каких это пор у тебя такая любовь к «Вэ-Ю»?

– Да нет никакой любви, – признал Хансард. – Но мне хорошо платят, и когда я отсюда улечу... когда мы тут все, наконец, закончим, я надеюсь, что получу назначение полегче. Черт, да я с первого дня на Ахероне все думаю, кому так насолил, что здесь оказался.

– Может, они просто в тебя поверили. Это же заведомо трудная задача – сделать это место пригодным для жизни, – Эл снова отпил из чашки, пытаясь согреться кофе и взбодриться алкоголем. Как бы они ни старались прогревать строения изнутри, все равно чувствовался холод. Просто было слишком далеко до солнца, считал Эл.

Он понизил голос и огляделся вокруг, чтобы убедиться, что его не подслушивают.

– Я к тому, что они стараются набирать в качестве колонистов бесшабашных и недалеких людей, не говоря уже о тех, кто ищет новой жизни после того, как сжег все мосты в старой.

– И все же Джордены тебе нравятся, – заметил Хансард.

Эл пожал плечами.

– Пусть и нравятся, но они слишком опрометчивы, слишком рьяно стараются нажиться. Научная группа использует помощь разведчиков как раз потому, что те готовы идти на риск. Я лишь беспокоюсь, что однажды они рискнут нами всеми. А ведь еще предстоят годы работы, прежде чем колония будет всем оснащена и заселена. Лет десять, а то и больше. И за такое время может случиться что угодно.

Он посмотрел на Энн Джорден – та прижимала дочку к себе, целовала ее мягкие щеки и нежно шептала что-то на ушко. Расс сидел на корточках перед маленьким Тимом, который, надувшись, скрестил руки и явно был чем-то расстроен из-за сестренки.

– Попомни мои слова, – сказал Эл, – если у нас когда-нибудь будут неприятности на этом комке грязи, то это произойдет из-за людей вроде них.

4

ПРИБЫТИЕ

ДАТА: 16 МАЯ 2179 ГОДА

Впервые в карьере Джернигану светило вознаграждение за сбор имущества с судна, которое он не искал целенаправленно. Он стоял в шлюзе, ведущем в спасательный отсек, и надевал скафандр, глядя на своих напарников и пытаясь угадать, о чем те думают.

Представить, о чем думал Ландерс, не составляло труда: алчному мерзавцу не терпелось увидеть, каким добром порадует их это судно. А вот Флит... это уже загадка. Джерниган побывал с ним в четырех экспедициях за три года и так и не раскусил его. Ландерс смеялся и говорил, что ему пора сдаваться: понять Флита не легче, чем какого-нибудь инопланетянина. Но Джерниган был не из тех, кто отступает перед трудностями.

– Целевой корабль поднят, – прожужжал голос ему в наушник. Это был Мур, который сидел в кабине пилотов. Сейчас он был их глазами и ушами, и Джернигана это устраивало.

– О происхождении что-нибудь известно? – спросил он.

– Нет. Ни маячков, ни передач, ни признаков жизни. С тех пор как вы ушли одеваться, я еще раз десять попытался выйти на связь. Без толку. Ни автоответчика на бортовом компьютере, ни даже признаков, что туда доходят мои передачи. Гробовая тишина.

– Так что думаешь? – спросил Ландерс. – Какой-нибудь старый военный шаттл?

– Нет, не военный, – ответил Мур, и Джерниган увидел разочарование тут же поникшего Ландерса. Все военное запрещалось использовать для переработки, но в такой дали никто не мог узнать, что они поднимут, упакуют и продадут тем, кто возьмет подороже. Обычно они занимались судами и орбитальными станциями, о которых точно знали, что те повреждены или заброшены. Информацию о них присылали компании, владевшие ими, либо частные контакты, которые знали, у кого ее узнавать и сколько за это можно выручить.

Различные теневые источники часто сообщали сомнительную информацию, и Джерниган несколько раз оказывался на кораблях, которые были оставлены вынужденно или в результате каких-то незаконных действий. А однажды и вовсе наткнулся на следы перестрелки.

Сбор непригодного имущества никогда не считался особо уважаемым занятием, но Джернигану было наплевать, что там думали другие. Он придерживался собственного морального кодекса и был горд тем, что делает работу, которую не желало делать большинство людей.

Иногда случалось, что они достигали целевого судна и обнаруживали на борту выживших. Тогда все менялось. Они так же выставляли Компании счет за потраченное время и транспортировку, но на большее рассчитывать не могли. Даже Ландерс ни разу не возражал, когда они отказывались от идеи разобрать или отбуксировать корабль, на котором оказывался живой член экипажа или пассажир.

Может, они занимались и не самым уважаемым делом, но и преступниками никогда не были.

– Не военный, – повторил Джерниган. – И ничего такого, что бы указывало происхождение? Неужели никаких опознавательных знаков?

– Нет, но он старый, – уточнил Мур. – Кажется, я ничего подобного в жизни не видел.

Он помолчал, а затем добавил:

– Так, стыковка, герметизация. Смотрите, не наложите в штаны!

По кораблю прошла легкая вибрация, и когда Джерниган выглянул в иллюминатор, то увидел, как влага быстро твердеет и превращается в лед. Он убедился, что в системе

климат-контроля его костюма выставлен комфортный уровень, а потом подождал, пока все огоньки станут зелеными.

Ландерс и Флит были опытными сборщиками, и Джерниган ничуть не сомневался в их навыках, работая с ними. Вместе они загрузили не меньше двадцати судов и станций и побывали не в одной сложной ситуации. Вот и сейчас все должно было пройти гладко.

В этом он был уверен.

И как всегда, Джерниган чувствовал легкое возбуждение. Однажды – он точно это знал – им попадется что-то из ряда вон.

Когда огоньки стали зелеными, трое мужчин покинули шлюз и вошли в грузовой отсек. Флит запустил управляемого робота-резчика, прокатив его поперек корабля с помощью ручного пульта, и включил лазер. Потом посмотрел на Ландерса, стоявшего у небольшой панели рядом с местом, где поднятое судно было плотно охвачено сетью цепких клешней.

Ландерс еще раз проверил все системы, после чего кивнул.

– Чисто, как в щелке у целки, – заключил он. – Беспокоиться не о чем.

– А что ты знаешь о целках? – спросил Флит.

– Спроси у своей сестры, – отозвался Ландерс.

Флит ничего на это не сказал и даже не подал виду, что услышал ответ. Он направил робота к кораблю, с помощью сканера обмерил дверь и наметил разрез. А затем приступил к делу.

На все про все лазеру понадобилась минута. Джерниган это время переминался с ноги на ногу.

«Странный вид у этого корабля, – думал он. – Может, это старый шаттл. И уж точно не спасательный корабль». Снаружи вокруг двери виднелись повреждения – царапины и потертости, а недалеко от двигателя – след от удара. Как и всему, что они находили и грузили, этому кораблю было о чем рассказать.

Дверь с тяжелым лязгом упала внутрь. Флит отодвинул резчика и запустил сканер. Никто из них не ожидал, что здесь найдется что-нибудь интересное, но все помнили правила. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Сканер сделал свое дело.

– Есть что-нибудь? – спросил Джерниган.

– Похоже на капсулу для гиперсна, – проговорил Флит.

– Да ладно! – воскликнул Ландерс. – Живой кто есть?

Джерниган ненавидел эти нотки разочарования, звучавшие в голосе напарника.

– Не знаю, – ответил Флит. – Давайте проверим.

Сканер увели с дороги, и Джерниган вошел первым. Остальные последовали за ним. На кресле пилота валялся космический скафандр, а на панели управления – что-то вроде гарпунного пистолета. Одинокaя капсула для гиперсна была покрыта морозной коркой.

Джерниган очистил рукой изогнутый купол и увидел, что внутри лежит эффектного вида женщина. Рядом с ней ютился кот. «Вот те раз!» В последний раз он видел кота еще в детстве.

– Все биоиндикаторы зеленые. Похоже, она жива, – сказал он, после чего снял шлем и вздохнул. – Ну что, ребята, будем спасать.

«Ей явно найдется о чем рассказать», – подумал он.

ДАТА: 10 ИЮНЯ 2179 ГОДА

ВРЕМЯ: 09.45

При входе в атмосферу LV-426 гул посадочного корабля перерос в металлический скрежет. Капитан Демиан Бракетт старался не отрывать ботинок от пола и держался за ремень безопасности, который не давал ему выпасть из сиденья. Корабль несколько секунд качался из

стороны в сторону, прежде чем выровняться, а затем подскочил, как скоростной катер, перемашнувший через большую волну.

Сработала тревога, по всей кабине замигали красные огоньки.

– Во что мы врезались? – крикнул он пилоту.

Женщина даже не повернулась в его сторону: она была слишком сосредоточена на том, чтобы удерживать верный курс.

– Просто вошли в атмосферу, – ответила она. – На Ахероне такое всегда при посадке.

Она стукнула по паре кнопок, и сигналы затихли, хотя огоньки продолжили тревожно мигать.

Бракетт стиснул зубы, когда корабль наполнился шумом атмосферного мусора, стучащего по обшивке и царапающего корпус. Судя по всему, его там было много.

– Я что-то упустил? – спросил он, повысив голос, чтобы его услышали поверх мусора, грохочущего по кораблю. – Разве терраформирование не ведется на этой планете уже пятнадцать лет?

– Даже больше! – крикнула в ответ пилот. – Вы не видели, как мы пытались сюда сесть десять лет назад, когда я была здесь в первый раз.

«Нет уж, спасибо», – подумал Бракетт. У капитана был железный желудок, но сейчас даже ему стало не по себе. Челюсть болела от того, что приходилось стискивать зубы. «У меня сейчас мозг в болтунью превратится», – подумал он, когда весь корабль яростно затрясло.

Затем грохот на какой-то миг прекратился. Бракетт уже хотел было расслабиться, но тут корабль стал резко падать, будто их контролируемое свободное падение вдруг превратилось в простое самоубийство. Тихо выругавшись, он собрался с духом и попытался выглянуть на то, что было снаружи.

– Я бы предпочел не умирать в первый день своего командования, – сказал он. – Если, конечно, вас это не затруднит.

Пилот сердито посмотрела на него.

– Сделайте вдох, капитан. У меня было семь крушений и ни одного погибшего пассажира.

– Семь чего?

Они попали в очередную воздушную яму, и его отшвырнуло вперед за секунду до того, как атмосфера уплотнилась снова – при этом он дернулся так сильно, что стукнулся головой о корпус корабля.

– Ах ты ж...

– Вот и всё, красавчик, – объявила пилот.

Зажглись тормозные ракеты, подбросив их на дюжину футов, и корабль начал медленно опускаться. Затем пилот аккуратно повела его вперед и снижая высоту, пока они не совершили мягкую посадку.

Корабль издал гидравлическое шипение, словно выдохнул одновременно с Бракеттом. Он расстегнул ремень безопасности. Аварийные огни погасли, и кабину залил светло-голубой свет.

– В целости и сохранности, как я и обещала, – проговорила пилот. Она отключила дверные замки и встала с кресла. На лице у нее сияла озорная улыбка. Бракетт впервые обратил внимание на изгибы ее тела и на то, как она на него смотрела.

– Что правда, то правда, – сказал он. – И я только сейчас понял, что даже не знаю вашего имени.

– Тресса, – отозвалась она, протянув руку. – К вашим услугам.

– Демиан Бракетт, – представился он, ответив на рукопожатие.

Она подошла к двери, что по правому борту, и ввела код на панели управления. Та с шипением открылась, и о поверхность планеты лязгнул с шумом раскрывшийся трап.

– Так что за преступление вы совершили, что оказались в этой жопе Вселенной? – спросила Тресса.

Бракетт улыбнулся.

– Я хороший морпех, – ответил он. – И иду туда, куда приказывают.

Завыл ветер, задувая в корабль едкую пыль. Он выглянул наружу, и его улыбка померкла. Ахерон был миром темно-серых тонов, исключение составляла растущая колония, чьи строения едва вырисовывались во все затмевающей буре. Через несколько секунд ветер снова стих, открыв им лучший вид – только смотреть было особо не на что. Коробки домов, покрытая пергамином полусфера теплицы, а вдалеке – зловещего вида, гигантский, стопятидесятифутовый атмосферный процессор, накачивающий здешний воздух кислородом.

– Дом, милый дом.

– Ага, – сказала Тресса, – вот только солнечных деньков здесь будет не хватать. Надолго здесь?

Бракетт взял вещмешок и повесил его на плечо.

– Пока не переназначат куда-нибудь еще.

Женщина понурила голову и повела бедром, и он польщенно отметил, что в ее глазах показалось сожаление.

– Что ж, надеюсь, еще свидимся, капитан Бракетт. Где-нибудь подальше от Ахерона.

ДАТА: 10 ИЮНЯ 2179 ГОДА

В комнате был кто-то еще, но Эллен Рипли не открывала глаза. В воздухе стоял запах дезинфицирующего средства и был слышен успокаивающий шум медицинского оборудования. А прилегающие к телу простыни и матрас под спиной и вовсе создавали ощущение роскоши.

Но ничто не спасало ее от паршивого самочувствия.

Она больше не была в опасности, не видела угрозы, но все же в памяти засела глубокая, тяжелая тьма, которая стремилась прорваться наружу. словно некая твердая масса внутри нее, чья сила притяжения была неодолима.

«Как я устала», – подумала она. Но когда наконец открыла глаза, то осознала, как ей повезло остаться в живых. Рядом засуетилась медсестра – проверила показания приборов, настроила оборудование, внесла какие-то данные. Наблюдая, как женщина делает свою работу, Рипли заметила окно, явно глухое. Из него открывался панорамный вид в космос, на сложные переходы и жилые отсеки станции, которую она не могла узнать... а внизу – поверхность планеты.

Планеты, в которой она узнавала свою родину.

По телу разлилось тепло, поднявшись из самого нутра и коснувшись щек. Счастье и надежда. У нее получилось. Она выжила на «Ностромо», победила чудовище и вернулась домой. И скоро снова увидится с Амандой.

И все же что-то было не так. Рипли замутило – и не только из-за того, что ее грубо вырвали из гиперсна. Эта тьма в ее памяти тяготилась страхом, кошмарами, ждущими момента, чтобы выйти на свет. И они подбирались к ней. Она подумала о Далласе, Кейне и остальных, об ужасной участи, что их постигла, а их лица, когда она их представляла, были старыми и грустными, как на выцветших фотографиях, случайно найденных на дне ящика.

Потом вспомнила о негодяе Эше – и ей показалось, что он не так уж далеко.

Но было что-то еще. Что-то... более близкое.

– Как мы сегодня себя чувствуем? – спросила медсестра.

Рипли попыталась ответить, но язык казался распухшим и сухим. Она чмокнула губами и прохрипела:

– Ужасно.

– Что ж, по крайней мере, лучше, чем вчера, – сказала медсестра. У нее был веселый, жизнерадостный голос, но и в нем чувствовалось какое-то безразличие. Будто женщина старалась держаться на некотором расстоянии от пациента.

– Где я? – спросила Рипли.

– В безопасности. Вы на стыковочной станции, уже пару дней, – медсестра помогла Эллен сесть и поправила ей подушки. – Сначала были очень слабы, но сейчас уже все хорошо.

«Так не должно быть», – подумала Рипли. Стыковочная станция? Она никогда не слышала о такой. Да, она проспала какое-то время, но она должна была знать об объекте, если только он не секретный или даже военный.

– Кажется, к вам посетитель, – сообщила медсестра. Рипли повернулась, и когда открылась дверь, она увидела сначала кота и только потом мужчину, который его принес.

– Джонси! – воскликнула она и радостно улыбнулась. – Иди ко мне, – она потянулась к коту, и мужчина передал его ей. – Где ты был, глупенький? Как ты? Где пропадал?

Пока она суетилась, парень сел. Она осознала, как глупо выглядит, разговаривая с котом. Но это был Джонси, который связывал ее с прошлым, «Ностромо», и...

И чем?

Той тьмой внутри, что манила ее с ужасной силой. Может, ей просто нужно было вызвать рвоту.

– Вот вы и встретились, да?

Рипли только сейчас посмотрела на мужчину и тут же ощутила к нему неприязнь. А то, что он сказал дальше, не изменило ее отношения.

– Меня зовут Бёрк, Картер Бёрк. Я работаю на Компанию, – он сделал паузу, а затем добавил: – Но пусть это вас не пугает. На самом деле я нормальный парень.

«Нормальный? – подумала Рипли. – Ну да, точно. Лощеный, пронырливый, скользкий, в глаза не смотрит. Черт, мне все еще паршиво».

Она хотела, чтобы этот тип ушел, оставив ее наедине с Джонси, ее болью и тем, что было внутри – в ее памяти, с той страшной угрозой, которую еще только предстояло понять.

Но он был из Компании, а значит пришел не просто так.

– Рад видеть, что вам уже немного лучше, – продолжил поток лести Бёрк. – Мне сказали, что ваша слабость и растерянность скоро пройдут. Это просто естественные побочные эффекты от необычно долго гиперсна, – он пожал плечами. – Что-то в этом роде.

«Так вот в чем дело, – подумала Рипли. – Значит, правда уже близко. Не могло же все сложиться так хорошо! Не так уж мне и повезло».

– Что вы имеете в виду? – спросила она. – Сколько я проспала?

Лощеность Бёрка внезапно исчезла, и он, похоже, резко почувствовал себя не в своей тарелке. Льстивым он нравился Рипли больше.

– Вам еще не сказали? – спросил он.

– Нет, – ответила Эллен. – Но... – она еще раз посмотрела в окно. – Я не узнаю этого места.

– Понимаю, – сказал Бёрк. – Э-э... ладно. Просто это может вас шокировать.

«Сколько?» – подумала Рипли, и перед мысленным взором у нее встала Аманда.

– Дольше, чем... – начал он.

– Сколько? – не унималась она. Аманда, в ее мыслях, плакала. – Прошу вас.

– Пятьдесят семь лет, – сообщил он.

– Что?!

Нет, нет, ни за что, это невозможно, это не...

Но члены экипажа в ее памяти превратились в блеклые образы, словно слова, которые вертятся на кончике языка. Только не Эш – он будто был еще здесь.

– В том-то и дело. Вас не было пятьдесят семь лет. Вы дрейфовали по базовым системам, и вам... в самом деле очень повезло, что команда спасателей вас обнаружила.

Сердце Рипли забилося быстрее.

Пятьдесят семь лет.

Аманда отвернулась от нее, теряя четкость, превращаясь в тень воспоминания, точно как ее старый экипаж.

«Нет! – пронеслось у нее в голове. – Аманда! Я через столько прошла, чтобы вернуться к тебе, и...»

А через что она прошла? Тяжесть внутри пульсировала, почти играя намеками на неприятное, сокрушительное откровение.

– Шанс на это был один из тысячи, – продолжил Бёрк, но его голос теперь звучал более отдаленно, казался менее значимым. – Вам чертовски повезло, что вы остались в живых, детка.

Детка. Так она называла Аманду. Рипли попыталась позвать ее сейчас, но голос пропал, и дочь была для нее потеряна.

Потеряна.

– Вы могли прозябать там целую вечность...

Его слова повисли в воздухе, весь их смысл померк перед тем, что творилось внутри нее. Эта тяжесть внутри, наконец, начала раскрывать свою суть.

Рипли попыталась перевести дух. Джонси зашипел на нее. Коты все видели.

Но когда невыносимая тяжесть вышла наружу, оказалось, что это вовсе не воспоминание.

Это одно из них.

Эллен ощутила его в себе: ворвавшись, оно извивалось в ее грудной клетке, собираясь появиться на свет, точно с нездоровой, жестокой насмешкой над дочерью, которую она потеряла. Мучаясь в агонии, Рипли выгнулась в своей койке и заерзала руками. Бёрк попытался удержать ее, позвал на помощь. Она вышибла стакан из его руки, услышала, как тот разбился, упав на пол. Стойка для капельницы опрокинулась, игла вырвалась из ее запястья.

В комнату вбежали люди. Они не знали, в чем дело, и им никак нельзя было ничего объяснить – только просить о помощи.

– Пожалуйста! – взмолилась она. – Убейте меня!

Оно толкалось и выпирало, ломая ребра, растягивая кожу, и Рипли, преодолевая яркое пламя агонии, закатала пижаму и увидела...

Рипли резко проснулась на своей койке, прижимая руку к груди. Она ощущала там быстрое, беспокойное движение, но это было лишь биение ее сердца.

Реальность окутала ее, и это было ужасно. Она выглянула в окно и увидела прекрасный изгиб Земли. Она находилась так близко и в то же время так далеко – но это уже не имело значения. Для Рипли она больше не была домом.

На медицинском мониторе оживился маленький экранчик, и на нем возникло лицо сестры.

– Опять дурной сон приснился? – спросила она. – Желаете снотворного?

– Нет! – отрезала Рипли. – Я и так достаточно проспала.

Сестра кивнула, и экран потемнел.

Джонси спал рядом с ней. Врачам это не нравилось, но Бёрк убедил их, что ей это пойдет на пользу. «После того шока, что она перенесла», – сказал он тогда. Ей стоило бы чувствовать к нему благодарность за это, но первое впечатление было сильнее.

Ей не нравился этот мелкий говнюк.

– Джонси, – сказала она, поднимая кота и прижимая его к себе. – Все хорошо, все хорошо. Все закончилось.

Но та тьма, та тяжесть по-прежнему были в ней, стали неотъемлемой ее частью, хоть и пока неизведанной. И говоря успокаивающие слова коту, Рипли лишь пыталась убедить в этом саму себя.

5

НЕРОВНАЯ МЕСТНОСТЬ

ДАТА: 10 ИЮНЯ 2179 ГОДА

ВРЕМЯ: 10.22

Два морпеха поджидали Бракетта на поверхности. Они отдали ему честь, когда он сошел с трапа, и он, ответив тем же, торопливо двинулся к ним.

– Добро пожаловать на Ахерон, капитан, – сказала первая из них, высокая женщина с почти таким же темно-коричневым цветом кожи, как у самого Бракетта, и длинным бледным шрамом поперек левой щеки. Она указала на низенького, бочкообразного пехотинца, стоящего рядом, – это был бледнолицый мужчина с ярко-рыжими волосами и в очках с толстыми стеклами. – Я лейтенант Джулиса Парис. А это сержант Кохлин...

– Рад познакомиться, – ответил Бракетт. – И спасибо, что вышли встретить меня в такую бурю, но давайте продолжим внутри.

Сержант Кохлин взял у него вещмешок одной рукой, дернув вещи с легкостью, которая говорила о его недюжинной силе. Затем они втроем поспешили к ближайшей двери – та вела в двухэтажное серое здание, чьи окна представляли собой длинные горизонтальные прорезы, причем над некоторыми имелись тяжелые металлические навесы, защищающие от непогоды.

– Не хотелось бы вас расстраивать, капитан, – проговорила лейтенант Парис, – но если вы об этой дряни, – она обвела рукой окружающую их местность, – так здесь это обычный день.

Парис подошла ко входу и остановилась, чтобы пропустить их вперед, а потом затворила за ними дверь. И как только та с шипением закрылась, шум ветра мгновенно стих.

Внутри мигали и все ярче разгорались белые огоньки. Бракетт, осмотревшись, увидел коридор, уходивший далеко в глубь здания. Из колонок под потолком играла музыка – джаз начала XXII века, – и капитан подумал, что мог попасть и в худшее место. Ведь существовало множество командных пунктов, где едва ли удалось бы не развить легкую клаустрофобию. Здесь же было достаточно места, чтобы двигаться, и люди, которых ему предстояло узнать, – гражданские, морпехи и прочие.

– Ладно, теперь давайте познакомимся как следует, – проговорил он, пожав руки Парис и Кохлину. – Демиан Бракетт. Ваш новый командир. И поскольку именно вы вышли меня встретить, у меня есть три варианта: либо вы хорошие солдаты, либо хотите подлизаться, либо вытянули короткие спички. Так как оно было на самом деле?

Кохлин, покраснев, издал лающий смех.

– О, я-то уж явно подлизываюсь, – заявил он, приподняв свою ношу. – Я же тащу вашу сумку.

– А вы, лейтенант? – спросил Бракетт, изогнув бровь и переведя взгляд на Парис.

На ее лице промелькнула улыбка, но при этом приподнялся лишь один уголок рта. Мышцы на левой стороне, под шрамом, похоже, не реагировали.

– Погодите, капитан, – сказала Парис. – Скоро сами узнаете, кто я.

– Само собой. Что ж, показывайте дорогу.

Лейтенант Парис повела его дальше в глубину строения, а Кохлин завел рассказ о том, что, судя по всему, считал достоинствами «Надежды Хадли»: о свежих овощах из теплиц, игровой комнате в виде незавершенных подземных уровней огромных масштабов, где было много места для бега, и о поваре, который, по утверждению сержанта, был настоящим виртуозом по части итальянской выпечки.

Колония пребывала лишь на стадии зарождения. Когда-нибудь ей предстояло стать крупным центром, который будет разрастаться вширь – ведь «Вейланд-Ютани» продолжала содействовать развитию этого квадранта. И Компания, и правительство поддерживали научные исследования, которыми здесь уже занимались, но настоящую ценность «Надежда Хадли» представляла именно как промежуточная станция или порт.

– Должен заметить, – продолжал Кохлин, – «Надежде Хадли» идет на пользу, что среди колонистов есть несколько симпатичных женщин.

Он осекся, подтянул сумку Бракетта выше на плечо и бросил быстрый беспокойный взгляд в сторону Парис.

– Знаете, капитан... наш предыдущий командир был очень строг насчет, э-э... связей с колонистами. С вами-то не будет такой проблемы?

Бракетт вспомнил время, когда получил свое первое назначение. Пусть он не желал появления романтических или сексуальных отношений между морпехами и гражданскими, но и не видел эффективных способов это предотвратить. Поэтому лучше, чтобы все происходило в открытую, чем иметь дело с глупостью тех, кто попытается вести тайные отношения.

– Я не буду в восторге, – ответил он, – но, как по мне, уж лучше спите с колонистками, чем с другими солдатами. В уставе об этом написано не просто так. Мне не нужно, чтобы вы стали пускать слюни по лейтенанту Парис в разгар операции и сорвались со скалы.

Кохлин проморгался, разинул рот.

– Я и Лут? Не, капитан, ничего такого... то есть... не то чтобы я не стал, но...

Парис засмеялась и покачала головой. Бракетт принял невозмутимый вид, но Кохлин увидел выражение лица лейтенанта и густо покраснел.

– Да вы надо мной издеваетесь!

– Да, сержант, – признался Бракетт. – Издеваюсь.

Кохлин вздохнул.

– Неплохо, капитан. Понимаю, как оно будет.

– Так что, проблем у меня с вами не будет, сержант Кохлин?

– С ним – нет, – ответила лейтенант Парис. – Но у нас и без него хватает болванов.

– Предупреждаете заранее? – спросил Бракетт. – Скажете, за кем стоит присмотреть?

Парис не ответила. От улыбки не осталось и следа. Когда лейтенант достигла двери и открыла ее ключом, по ее лицу можно было заключить, что пожалела о том, что сказала.

Проходя в глубь колонии, они миновали нескольких гражданских. Бракетт услышал смех в боковом коридоре и, повернувшись, заметил пару детей, которые кувыркались колесом. К этому еще предстояло привыкнуть – видеть поблизости детей было странновато.

– А у вас как, капитан? – спросил Кохлин.

Бракетт сдвинул брови.

– Что у меня, сержант?

– Есть у вас кто-нибудь? Кого-то где-то оставили?

Впереди ряд высоких окон выходил на командный блок, где охрана и оперативники сидели у рабочих станций и смотрели на экраны. А посреди комнаты грузный белый мужчина, похоже, отчитывал тощего бородатого паренька, который держал в руке свиток бумаги.

– Администрация, – сказала лейтенант Парис. – Эл Симпсон. И это он еще в хорошем настроении.

Симпсон так кричал на парня, что весь раскраснелся, но насчет хорошего настроения колониального администратора Парис, судя по всему, не шутила. Бракетт надеялся, что у него не возникнет проблем с этим человеком. Вмешательства гражданских капитан, как правило, не жаловал.

Парис сделала знак Симпсону, и тот жестом показал, что подойдет через минуту.

– Надо же, какой приятный парень, – заметил Бракетт.

– Он не так уж плох, – задумчиво отозвалась Парис. – Но отчитываться перед ним я бы не вызвалась.

Они втроем ждали в коридоре, соблюдая приятную, дружественную тишину. Любопытствующие гражданские, проходя мимо, улыбались или кивали новому командиру. Кохлин опустил сумку на землю и прислонился к стене.

Бракетт повернулся к сержанту:

– Кстати, мой ответ – нет.

– Что нет?

– У меня никого нет.

Это не было ни ложью, ни правдой.

К этому назначению у него с самого начала сложились смешанные чувства. Его и раньше направляли в колонии – и на каждой содержалось небольшое подразделение морской пехоты, находившееся в подчинении правительства Соединенных Штатов, а Колониальная морская пехота при этом предоставляла охранные услуги всем сторонам, подписавшим пакт Организации Объединенных Америк.

«Вейланд-Ютани» – компания, от которой зависел облик чуть ли не половины Вселенной, – в последние годы активно занималась колонизацией. О ее практике ведения дел ходили чрезвычайно пугающие слухи, но и в реальности все было довольно скверно. Разве можно назвать эту практику порочной, часто задумывался Бракетт, если злобность и жадность были совершенно умышленными и лежали в основе всего? «Надежда Хадли» создавалась совместными усилиями правительства и Компании, а капитану не нравилась даже мысль о том, что ему придется исполнять приказы ставленников последней.

Но существовала и иная причина, по которой назначение на LV-426 вызывало у него беспокойство.

Сержант Кохлин спросил, есть ли у него кто-нибудь, и Бракетт не солгал, ответив, что нет. У него никого не было на Земле, но много лет назад, когда он вступил в Колониальную морскую пехоту, Бракетту пришлось разорвать отношения с женщиной, которую он любил. И она ушла искать новую жизнь с другим мужчиной. Ко времени, когда он вернулся домой в отпуск – надеясь хотя бы поздороваться, увидеть ее улыбку, – она вместе с мужем покинула планету насовсем.

Но сейчас их дорогам предстояло снова пересечься. Его бывшая девушка и ее муж были в числе колонистов, прилетевших на Ахерон более дюжины лет назад. И Бракетт все думал, осталась ли у нее та же улыбка и будет ли она по-прежнему рада его видеть.

В те времена ее звали Энн Ридли.

ДАТА: 10 ИЮНЯ 2179 ГОДА

ВРЕМЯ: 11.05

Кёртис Финч представлял, будто он душит своего брата. Он бы сделал это по-настоящему, но стоило ему отпустить руль вездехода – они съехали бы в канаву.

– Слушай, я хочу свалить, – сказал Отто, цепляясь обеими руками за приборную панель, когда буря налетела на их шестиколесную машину с порывами, по силе напоминающими удары кулаков великана.

С заднего сиденья послышался издевательский смех. Два колониальных морпеха какое-то время сидели молча, пока Кёртис вывозил их с труднопроходимых холмов, но сейчас сержант Марвин Дрейпер наклонился вперед, впериw в старшего Финча ледяной взгляд.

– Хочешь выйти – пожалуйста, – усмехнулся Дрейпер. – Совсем уже сбрендил!

Отто, побагровев, повернулся назад, чтобы взглянуть на Дрейпера и молчаливую темно-глазую женщину-рядового Анкиту Юсеф.

– Заткни пасть, Дрейпер. Я сказал «свалить», а не «выйти». Свалить! Свалить с этой чертовой планеты! Я хочу домой.

Дрейпер, пристегнутый, откинулся на заднее сиденье. Затем улыбнулся и сдавленным голосом, словно шевеля лишь уголком рта, обратился к рядовому Юсеф:

– Отто захотел к мамочке.

– Наша мать умерла, – бросил Отто и затем вскрикнул, когда порыв ветра оторвал от земли левую сторону вездехода, за секунду перед тем, как тот упал обратно и продолжил катиться вперед. – Но я бы лег в могилу рядом с ней, если бы это уберегло меня от этой...

– Заткнись! – рявкнул Кёртис. Ему это все надоело.

Отто пристально посмотрел на брата. У него были голубые глаза и темно-рыжие волосы, доставшиеся от матери, тогда как у Кёртиса – карие глаза и каштановые волосы, как у отца, но глядя на них, сразу становилось понятно, что они близкие родственники.

Кёртис смотрел прямо перед собой. У него пересохли губы, сердце стучало в груди, но он отчаянно пытался лавировать сквозь бурю. Он проделывал подобное с десятков раз, но при такой запыленности воздуха, как сейчас, видимость упала процентов до десяти за последние пятнадцать минут. Ехать дальше в таких условиях – почти вслепую – было по меньшей мере безрассудством, но если он верно оценивал пройденное расстояние, то до укрытия им оставалось совсем немного.

Переждать бурю безопаснее было бы сидя в вездеходе. Они находились всего в двадцати милях от «Надежды Хадли», но не имели никаких шансов вернуться в колонию, пока непогода не стихнет.

– Кёрт...

– Я не шучу, Отто, – сказал Финч брату, повысив голос, чтобы тот расслышал его поверх свистящего ветра и гулкого шума песка, стучащего по их машине. – Я тебя прямо здесь высажу.

– Хочешь сказать, ты не жалеешь, что мы оказались на Ахероне?

Кёртис повернулся к нему.

– Ты что, издеваешься? – сказал он. – Если бы не ты, мы бы тут никогда не оказались.

– Ну начинается! – простонал Дрейпер на заднем сиденье. – Юсеф, всади мне, пожалуйста, пулю в голову. Не могу больше слушать этих двоих.

Дрейпер был выше ее по званию, но Юсеф не спешила исполнять приказ. Хотя Кёртису почти по-настоящему хотелось, чтобы она это сделала. У мускулистого Дрейпера по правой стороне лица тянулся длинный шрам, который поднимался от правого уголка рта, будто кто-то пытался продлить его улыбку. А на горле у него виднелась татуировка, изображающая скорпиона, и это сочетание почему-то очень тревожило Кёртиса. Казалось, что Дрейпер, как и скорпион, был готов в любой момент нанести удар, а его чувство юмора скрывало внутреннюю непредсказуемость.

Однако то же касалось и Юсеф, у которой не было ни шрамов, ни татуировок, зато имелся взгляд – спокойный, но при этом словно таивший в себе жестокость. Отто как-то сказал, что это лишь признак солдата, но Кёртис с ним не согласился. Он знал много других пехотинцев, и большинство из них не относились к числу людей, воспринимавших насилие как должное.

– Кёртис... – осторожно начал Отто.

– Нет, – он и слышать ничего не хотел. Кёртис и Отто – последний был старше брата на два года – провели на Ахероне уже сорок семь месяцев, занимаясь геологическими изысканиями и разведкой новых скважин. Может, их стаж в колонии казался мелочью по сравнению со стажем Мезника и Генерации или Рассы и Энн Джорденов, но одни люди были будто специально заточены под такую работу, а другие – нет. Именно Отто уговорил Кёртиса присоединиться к этой колонии, но последние несколько месяцев он уже разваливался на части.

Кёртис, конечно, это понимал. За все годы терраформирования буйная атмосфера Ахе-рона смягчилась лишь отчасти. В этих погодных условиях, постоянно беспокойных, поднимались бури, сильные настолько, что могли переворачивать машины и взметать в воздух так много земли, что становилось невозможно ни что-либо увидеть, ни полагаться на приборы. Внешняя среда могла быть смертельно опасной, и техника, если она не отвечала стандартным требованиям, постоянно находилась под угрозой выхода из строя.

И хотя Финчам нравились другие колонисты, но в условиях конкуренции среди разведчиков, жаждущих найти и застолбить за собой все, что могло представлять ценность для Компании, было сложно рассчитывать на настоящее товарищество.

Отто, ощущая гнетущую атмосферу этого места, впал в уныние. Проблема заключалась в том, что они не могли вернуться домой, не заработав достаточно денег, чтобы оплатить перелет и хотя бы шестимесячную аренду жилья на Земле.

Кёртис сжал руль еще крепче и наклонился вперед, замедляя ход. Из-за бушующего вокруг ветра они несколько долгих мгновений не могли разглядеть ничего за лобовым стеклом. Огоньки приборной панели наполняли салон зеленым свечением, окрашивая лица братьев в призрачно-бледные тона, хотя снаружи все было темным.

Он затаил дыхание.

Вездеход затрясло.

Они загромыхали по провалам, вдруг возникшим на пути. Кёртис, не желая подвергать их риску неизвестности, затормозил почти до полной остановки. Затем ветер поутих, и он различил среди бури знакомый темный силуэт. Нажав на газ, он ускорил ход.

– Я не могу так, – завыл Отто. – Я не могу быть здесь, Кёрт. Мне кажется, вся планета пытается нас убить!

Кёртис убрал одну руку с руля, повернулся и крепко стукнул брата по плечу, словно они опять стали маленькими детьми. Отто вскрикнул и шлепнул его ладонью по предплечью.

– Какого черта? – возмутился он.

– Тьфу ты, Финч! – взревел Дрейпер.

Даже Юсеф произнесла два слова – единственные за весь день:

– Тупой ублюдок.

Кёртис снова посмотрел вперед, крепко ухватился за руль и попытался повернуть – но было слишком поздно и они летели в канаву. А когда левая сторона вездехода просела, и они со скрипом остановились, у него оборвалось сердце. Шины на правой стороне продолжали месить грязь, тогда как слева просто вращались в воздухе.

– А ну, притопа! – сердито крикнул Дрейпер.

– Не поможет, – ответил ему Кёртис, следуя совету. Вездеход немного занесло, задняя часть машины сдвинулась еще дальше к канаве.

– Стойте! – сказал Отто, внимательно посмотрев на брата. – Шасси зацепилось за обрыв. Мы сейчас просто скользим и можем опрокинуться.

Кёртис, все еще крепко сжимавший руль, медленно выдохнул воздух. Основную породу в этой области составляли каменные пласты и гряды, скрытые в плотной почве под слоем пыли и пепла, который смещался под действием бурь, так что внешний вид местности существенно изменялся изо дня в день. Некоторые из канав в глубину достигали двадцати-тридцати футов. Кёртис подумал, что если бы они сейчас скатились туда и в итоге оказались на колесах, то с вездеходом ничего не случится. Они могли ехать дальше и по дну канавы, пока не найдут место с пологим уклоном, откуда можно выбраться наверх.

Но если бы они упали на крышу...

– Выходим, – проговорил он и заглушил двигатель.

Юсеф выругалась.

Когда Кёртис отстегнул ремень, Дрейпер схватил его сзади за плечо.

– Финч, ты что делаешь?

– Включи мозги! – воскликнул его брат. – Ты там погибнешь.

Отто схватил портативный радиоприемник и натянул шнур. Беспроводные в такие бури не работали.

– Админ, прием, это Отто Финч! – рявкнул он в радио. – Прием!

Все замерли, прислушиваясь к помехам, затрепавшим в ответ. Всего на какую-то долю секунды линия прояснилась, и они услышали какое-то бормотание – лишь пару неразборчивых слов. Пока непогода не стихнет, связь оставалась невозможной. Они могли бы отправить сообщение, но вряд ли его получили бы на том конце. При таком количестве минеральной пыли и вулканического пепла наружные приборы всегда были ненадежны.

– Я не самоубийца, – отозвался Кёртис и указал куда-то сквозь лобовое стекло. – Туда посмотри.

– На что я тут посмотрю?! – прорычал Дрейпер.

Снова поднялась буря. Вездеход качнулся над обрывом и соскользнул еще немного вниз. Башня, которую Кёртис видел до этого, скрылась из виду за поднявшейся пылью.

– В ста ярдах впереди башня процессора, – сказал он. – «Процессор Шесть». Там и укроемся, пока ветер не стихнет. Как только сможем связаться с админом, они вышлют кого-нибудь на помощь. И даже если не сможем, они найдут нас по нашим личным передатчикам. Все будет хорошо.

Он повернулся к брату, заметил страх у того в глазах, и ему стало жаль Отто.

– Отто, – проговорил он, – все будет хорошо.

6

ЛЕСТНИЦА

Они неслись сквозь бурю, их обдавали песчинки и обдували жестокие ветры. Отто бежал, опустив голову: несмотря на то, что глаза были защищены очками, он чувствовал себя безопаснее, вперив взгляд в землю.

Уже несколько месяцев в нем разрастался страх, точно где-то у него внутри все шире развралась глубокая щель. В его кошмарах трещины разрывали поверхность Ахерона и во внутренностях планеты копошились темные твари. Каждый раз, покидая колонию, он чувствовал, будто стоит на краю крыши в тысяче футов над землей, глядя вниз, и его одолевало желание просто ступить за край, броситься навстречу смерти. Каждая разумная его клеточка боролась с этим желанием, но оно все равно толкало вперед, соблазнительное, как голос змея.

Танатос, вот как оно называлось. Он где-то об этом читал. Влечение к смерти.

Постепенно этот слабый голосок внутри Отто Финча вырос в убеждение, что Ахерон хочет нанести ему вред, и теперь искушал его отдаться своей злонамеренной цели.

– Я не хочу здесь умирать, – прошептал он, но слова поглотила буря.

Отто поднял голову, увидел спину Кёртиса и потащился дальше. Дрейпер и Юсеф шли следом, но он не был уверен, что они станут его поднимать, если он упадет. А вот брат... Отто надеялся, что если он закричит, если он споткнется – Кёртис его спасет. Как-никак, они были родней.

«Прошу тебя, Господи, – думал он. – Пожалуйста, не дай мне здесь умереть».

Только это казалось не более чем пустой молитвой. Он никогда особо не верил в бога, но если высшая сила и существовала, Отто не мог избавиться от ощущения, что Он жил слишком далеко от этих мест.

Громкий металлический лязг заставил Отто поднять взгляд.

Когда, борясь с ветром, Финч проплелся за братом, который уже добрался до процессора, впереди он увидел тяжелую дверь. И вдруг понял, что без Кёртиса они не смогли бы войти внутрь – хоть универсальный код и был известен всем изыскателям, но Отто его забыл.

«Спасибо, братишка», – подумал он.

Но затем Отто зашел внутрь, прочь от бури, и его чувство благодарности тут же ослабло. Он сорвал очки и покружился на месте, разглядывая систему цилиндрических трубопроводов, взбирающихся по стенам и тянущихся над головой. Удаленные атмосферные процессоры, рассеянные по всему Ахерону, казались крошечными по сравнению с огромным, размером с целый дворец «Процессором Один», что располагался в колонии, но это строение все равно производило впечатление. Внутреннее пространство «Процессора Шесть» достигало пятидесяти футов² в диаметре. В углу находился небольшой пункт управления, где было множество рычагов и приборов, коммуникационная антенна и пара компьютеров, которые выполняли большую часть работы. Трубы и лестницы простирались вверх, входя в широкую сферу – ядерный процессор, – а оттуда – еще на пятьдесят-шестьдесят футов во тьму.

Отто не хотел лезть в пункт управления и что-либо там делать, выясняя, в чем проблема. Из стыковых соединений с шипением вырывался пар, и, когда Отто подошел поближе к ближайшей металлической трубе, в два фута шириной, то увидел, что ее поверхность вибрирует. Помещение станции наполняло назойливое жужжание – гул тысяч футов трубопроводов, дрожащих на своих кронштейнах и кольцах, к которым крепились.

– Иисусе! – воскликнул Дрейпер, сбрасывая шинель. – Почему здесь так жарко?

² Около 15 метров.

Обычно невинное любопытство на его лице – после того, что они только что пережили, – вызывало у Отто желание засмеяться. Но сейчас он не видел тут ничего смешного.

– Кёртис! – позвал Отто, достаточно громко, чтобы было слышно на фоне шипения и грохота внутри и рева бури снаружи.

Кёртис снял свою тяжелую защитную куртку. Подняв очки на лоб, грязный от пыли и пота, он тихонько обратился к Юсефу. Рядовой Колониальной морской пехоты в половине случаев словно и не обращала внимания на его заигрывания, в половине – отвечала ему на ту чепуху, что он ей нес, приподнятой бровью или косой улыбкой.

Отто ненавидел ее за это. Он понимал, что его брат находил эту женщину красивой – смуглая кожа, большие гипнотизирующие карие глаза, способные мгновенно пленить кого угодно. Но Отто она всегда казалась просто равнодушной сукой. А ее полуулыбки были все равно что насмешки над Кёртисом и его одиноким, но полным надежд сердцем.

– Кёртис, чтоб тебя! – крикнул Отто. – Потом будешь валять дурака! – он ненавидел этот надлом в своем голосе, возникающий на грани паники, которая охватывала его сейчас.

Лишь когда брат сверкнул на него взглядом, таким враждебным из-за этого укола правды, Отто понял, что сказал.

– А знаешь, что... – начал Кёртис, начиная двигаться к нему.

– Стой! – оборвал его Отто, тряхнув головой и выставив перед собой руку. – Просто... стой. Потом будешь на меня злиться, ладно? У нас проблема.

Дрейпер сидел на полу, подтянув колени к груди и прислонившись к стене. Но в этот момент он издал смешок.

– Да ладно! Всего одна?

Отто почувствовал, что задыхается. Когда они с Кёртисом были детьми, отец наказывал их за плохое поведение, запирая в шкафу. Поэтому он боялся темноты, но замкнутые пространства были еще хуже. Иногда он представлял, будто воздух – это сущность, которая не любит незваных гостей – особенно непослушных мальчиков – и которая хочет его задушить. Там, в темноте, лежа на куче родительской обуви, где длинные пальто матери терлись о заднюю часть его шеи, он чувствовал, как эта сущность подбирается к нему, затягивая в крепкие, обволакивающие объятия. Там очень быстро становилось жарко, и на коже у него появлялись капельки пота. Он никогда не осмеливался постучать в дверь – отец не раз предостерегал его на этот счет, – но плакал и умолял выпустить его. А когда, наконец, тихо ложился поверх обуви, то чувствовал запах нефти с завода, где работал отец.

Внутри процессора стоял тот же нефтяной запах. Темно и влажно, замкнутое пространство. Он смотрел на Кёртиса, когда тот направлялся к нему, вглядывался ему в глаза и не мог понять, почему тот этого не замечает.

– Ты это слышишь? – спросил Отто, запуская руку в свои рыжие волосы. – Чувствуешь? Кёртис замер и прислушался.

Дрейпер посмотрел на Юсефа.

– Что? Ты что-то слышала?

Они все это слышали. Сверху донесся тарахтящий, скрежещущий звук. Кёртис оттолкнул Отто и положил руку на ту же трубу, ощутил вибрацию. Всмотрелся в темноту.

– Это машины, – сказал Дрейпер. – Просто чертовы машины.

– Конечно, машины, – согласился Кёртис, бросив на него испепеляющий взгляд. – И они выходят из строя.

Юсеф, услышав это, оживилась. Но уже без поднятой брови и без полуулыбки.

– Что значит выходят из строя?

– Что-то засорилось, – объяснил Отто. У него тряслись руки. Он начал дергать себя за волоски на задней части шеи – это болезненная привычка появилась у него совсем недавно. – Блок засорился. В последнее время слишком часто бывали бури, а техобслуживание прово-

дилось уже давно. Дрейпер говорит, тут жарко. Ну да, он прав, но дело не только в этом – блок перегревается. Судя по звуку, забился где-то вверх, и все фильтры нужно промыть и продуть...

Отто положил руку на трубу. Она нагревалась все сильнее.

– ...и я бы сказал, сделать это нужно в ближайшие часы. А может, и меньше, – он дернул себя за рыжие кудри. – Я оптимист.

– Или что? – спросил Дрейпер. – Если блок сломается, это не наша проблема. Как только буря закончится, мы сможем отправить сигнал, и они пошлют кого-нибудь за нами.

Отто взглянул на брата, а затем опустил глаза в пол.

– Кёртис? – позвала Юсеф с тревогой.

– В лучшем случае Дрейпер прав, – подтвердил Кёртис. – Ядро, по идее, должно отключиться, если фильтры достаточно засорятся... если сфера достаточно нагреется. Но здесь и так уже довольно жарко, а этого не произошло.

– Вот хочу спросить, что случится, если ядро не отключится автоматически? – сказал Дрейпер.

Отто сложил руки вместе, а затем развел их в стороны:

– Бу-у-ум!

Юсеф выругалась, повернулась к двери и отперла ее. Выглянула наружу всего на секунду и тут же захлопнула обратно.

– Полагаю, стихать буря не собирается, – проговорил Кёртис. Ее взгляд был единственным ответом, который требовался остальным. Несколько долгих мгновений они вчетвером молча смотрели друг на друга. Отто видел бусинки пота на лбу Дрейпера, ощущал их же у себя на спине и осознавал, что температура поднялась даже за те несколько минут, что они пробывали в здании.

– Кёртис! – крикнул Отто.

Брат уставился на него.

– Я знаю! – бормоча проклятия себе под нос, Кёртис поспешил к лестнице, висевшей на стене возле двери в пункт управления.

– погоди, ты что делаешь? – спросил Дрейпер, утирая пот с брови.

Кёртис зыркнул на него.

– Ты знаешь, как промыть фильтры, продуть засоры и выпихнуть их наружу?

Дрейпер вытянул руки, показав на свой форменный мундир и мускулистые формы.

– Я что, похож на техника?

Кёртис кивком показал вверх.

– Поэтому я и поднимаюсь. Из нас только я умею это сделать. Если я прочищу фильтры, это место не взорвется. А если у меня не получится, то все будет зависеть от бури.

– Ну, черт, тогда... лезь уже, – сказал Дрейпер, показывая на лестницу.

Отто видел, как перекладины вибрировали в руках брата, когда Кёртис поднимался на первые несколько футов. «У него, наверное, и кости так стучат», – подумал он.

Юсеф подошла к основанию лестницы.

– Будь осторожен.

Кёртис посмотрел вниз на Отто с ухмылкой – мол, я же говорил.

Скрежет и тарыхтение вверх теперь стали громче. Отто чувствовал, как все вокруг дрожало под ногами, и это ощущение разливалось по всему телу. Он сжал челюсти, следя за братом, и из-за дрожащего пола у него застучали зубы. Сердце бешено забилося, по шее стекла очередная струйка пота.

– Ненавижу эту планету, – проговорил он тихо, в уверенности, что его никто не слышит. – Ненавижу эту богом забытую...

– Это луна, – поправила Юсеф.

Отто обернулся к ней, ощерившись.

– Ненавижу эту планету! – завопил он, и глаза горели от слез, которые он не хотел проливать.

Затем что-то гроыхнуло внутри ядра, и металл прогнулся от давления. Последовавший за этим удар сотряс все строение, словно какой-то великан решительно пнул его снаружи. Кёртис на лестнице вскрикнул, и Отто, подняв взгляд, увидел, что его брат соскальзывает, лихорадочно цепляясь пальцами за перекладины.

Отто выкрикнул имя брата в тот самый момент, когда Кёртис упал, и ринулся к лестнице. Когда Кёртис ударился о землю, звук его падения заставил Отто замереть на месте. Он знал его с детства – это был хруст ломающейся кости.

Кёртис издал крик боли – всего один, – а потом умолк так резко и быстро, словно его голос отсек удар гильотины. Он упал у самого основания лестницы, а вокруг весь процессор трясся и стучал, и пар все больше затуманивал и без того горячий, спертый воздух. Отто боялся, что брат уже мертв.

Дрейпер грубо оттолкнул Отто в сторону, приговаривая: «чертчертчертчертчертчерт», будто в такт своему бешеному сердцебиению, и опустился на колени перед Кёртисом.

Юсеф сделала два шара в сторону ядра.

– Дрейпер, это добром не кончится, – сказала она. – Нам нужно выбираться отсюда!

Приложив два пальца к шее Кёртиса, чтобы проверить пульс, Дрейпер обернулся, сверкнув на нее глазами.

– Думаешь, я сам не знаю? – воскликнул он. – И каков твой план? Пытаться ехать в бую? Если не дождемся, пока успокоится, мы все там умрем.

– Мы и здесь умрем, если не прочистим горло этому зверю! – парировала Юсеф.

Отто едва слышал их. Он прошаркал к Кёртису и, упав на колени рядом с Дрейпером, затряс головой. Его мысли так долго мешались с тревогой и страхом, были пронизаны глубинным и растущим ощущением страшной опасности, что настоящая опасность показалась ему странной.

– Кёртис? – решил позвать он и подтолкнул брата в плечо. Тот не шевельнулся.

Отто поднес свои дрожащие руки ко рту и, повернувшись, уставился на Дрейпера. Дыхание сбилось, по телу растекался ужас, вымещая все прочие эмоции.

– О боже, – проговорил он. – Это из-за меня. Из-за меня! Он не хотел в эту колонию, а я его уговорил. Это я виноват! Я убил собственного брата!

Дрейпер протянул руку и щелкнул Отто по носу. Тот от боли дернулся назад.

– Какого...

– О, неужели ты меня заметил?! – крикнул Дрейпер, и в уши Отто внезапно вновь влились звуки бури, трущейся о наружные стены, и грохота стонущего процессора, будто перед этим он на минуту сбавил громкость всего, что его окружало.

Отто кивнул.

– Этот придурок живой, – проговорил Дрейпер, кивнув в сторону Кёртиса. – Только ногу сломал при падении, и головой стукнулся хорошенько. Если ему повезло, он потерял сознание от боли, а не от повреждения мозга. Вопрос сейчас в том, сможешь ли ты сделать эту работу, Отто? Сможешь поднять свою задницу вверх и прочистить вентиляцию?

Покачивая головой, Отто протянул руку, чтобы погладить волосы Кёртиса.

– Черт, а знаешь хоть, как это делать?! – заорал Дрейпер, тыча ему в грудь.

– Нет! – крикнул в ответ Отто, его губы дрожали. – Понятия не имею!

Дрейпер повернулся к Юсеф:

– Знаю, буря создает помехи, но тебе необходимо дозвониться. Пусть кто-нибудь приедет сюда на тяжелом вездеходе!

Ветер снаружи завыл еще громче. Песок, шелушась о металл, казалось, пел какую-то звонкую, насмешливую мелодию.

– В таких условиях связь никак не наладить! – обрушилась на него Юсеф. – Нам нужно вернуться и укрыться в вездеходе!

– А ты попытайся, черт подери! – рявкнул Дрейпер. – Когда будет затишье, сможешь прорваться.

Юсеф развернулась от них и прошагала к дальней стене, надев наушник и прикрыв ухо. Отто смотрел на нее и понимал, что сигнала не последует. Им было суждено здесь умереть, и Ахерон готовился их поглотить. Песок разотрет их до костей, а те занесет пылью, и они соскользнут в ад, точно как он видел в своих кошмарах, – в ад, что скрывается в сердце этой планеты.

– Ненавижу Ахерон! – воскликнул он громким, дрожащим голосом. Затем, повернувшись, увидел расслабленное лицо брата. Голова Кёртиса склонилась набок, и Отто впервые увидел огромный синяк на левом виске, красный и опухший.

– Кёртис! – захныкал он, не в силах сдержать себя. Принялся трясти брата за руку, толкнул его в плечо. – Кёртис, пожалуйста! Прости. Мне жаль, мне очень жаль! – прикрыв глаза, он закачался вперед-назад. – Ненавижу эту планету! Ненавижу эту...

Дрейпер схватил его за рубашку на груди, и Отто распахнул глаза.

– Заткнись уже! – рявкнул морпех и, размахнувшись, ударил его кулаком в лицо.

От этого удара у Отто рот наполнился кровью и сломался зуб, зато Финч присмирел. Потрясенный, он устоял на Дрейпера, все еще державшего его за рубашку и готового стукнуть еще раз. Слезы подступили к глазам Отто, и на этот раз он не мог их сдержать. Они катились по щекам, когда он выплевывал выбитый зуб и потом языком ощупывал острые края в лунке, где он только что был.

– Ты лезешь вверх, – заявил Дрейпер, указав на лестницу. – Ты и твой брат-говнюк все время были вместе, и я ни на секунду не поверю, что ты хотя бы не представляешь, как это остановить. Поэтому ты поднимаешься вверх, Отто. Может, от этого зависит моя жизнь, так что если ты этого не сделаешь, я пушу тебе пулю в лоб.

У Отто сбилось дыхание, плечи задрожали.

– Ненавижу эту пла...

Кулак Дрейпера снова впился ему в лицо. Отто в хватке морпеха обмяк и, всхлипнув, выплюнул немало собственной крови. А потом кивнул.

Забравшись по лестнице, он, по крайней мере, будет в недосягаемости от кулака Дрейпера. А Кёртис... с такой высоты может показаться, что брат просто спит.

Восстановив равновесие, Отто подошел к нижней ступеньке. И, слыша отовсюду лязги и бряцание процессора, начал взбираться вверх.

На третьей перекладине он замер, а потом отпустил руки, с глухим стуком спрыгнув на землю.

– Какого черта... – начал было Дрейпер.

Отто повернулся к нему, уже весь заплаканный.

– Пристрели меня, – сказал он, прислоняясь спиной к стене и сползая к полу, терзаемый муками. – Если хочешь меня убить – вперед. Я лучше умру, чем останусь здесь.

Дрейпер выругался и вскинул пистолет.

Юсеф схватила его за запястье, коротко мотнула головой и подошла к Отто.

– Кёртис ранен, Отто, – проговорила она. – Если ты не попытаешься что-нибудь сделать, мы, скорее всего, все здесь умрем, и твой брат в том числе.

Отто заглянул в ее карие глаза, блестящие и красивые.

– Пообещай мне, что заставишь их отправить нас домой, меня и Кёртиса, и я сделаю все, что смогу. Пообещай, что заставишь их выслать нас на ближайшем корабле.

Юсеф кивнула:

– Обещаю.

Отто фыркнул, раздул ноздри и отвернулся.

– Лживая сука. Думаешь, я не вижу этого по твоим глазам? – проговорил он, задыхаясь от рыданий. А потом закричал: – Я хочу домой!

7

БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА

ДАТА: 10 ИЮНЯ 2179 ГОДА

ВРЕМЯ: 11.10

По опыту Демиан Бракетт знал, что чем дальше от Земли его командируют, тем выше вероятность попасть к каким-нибудь дебоширам. Люди вступали в Колониальную морскую пехоту по разным причинам: одни из чувства долга, другие – чтобы сбежать от прошлого, но были и такие, в ком сидел дух насилия и кто не хотел навредить тем, кого любил.

И он убедился в том, что, независимо от их собственного обоснования своего вступления в войска, оказываясь там, они становились либо хорошими морпехами, либо ходячими проблемами. Какими бы ни были их намерения в начале, потом, вливаясь в службу, большинство людей находило в себе способность развиваться в любом направлении.

Другим наблюдением Бракетта стало то, что чем дальше от Земли базировались войска, тем большую свободу позволяли себе дебоширы.

В первые сорок пять минут после прибытия на Ахерон капитан Бракетт сложил вещи в квартире, провел предварительную встречу с Элом Симпсоном и руководством административной службы колонии и начал свое первое совещание с отрядом. В распоряжении Колониальных морпехов имелась комната для собраний, небольшая, однако достаточно вместительная для двадцати одного человека – именно столько здесь сейчас и собралось.

Бракетт стоял перед всеми, облокотившись на кафедру, из-за чего создавалось впечатление, будто он проводит религиозную службу, и изучал морпехов, стоявших перед ним. Вдоль стены громоздились стулья, но, поскольку это была первая встреча с личным составом, он не стремился обеспечить им удобство.

Лучше им всем постоять, и ему в том числе.

Бракетт не выдумывал ничего особенного. Основные положения и описание планируемых результатов, надежда на то, что они помогут ему достичь их скорее, четкое указание придерживаться протокола, а также выражение признательности за радушие, с которым его встретили лейтенант Парис и сержант Кохлин, стоявшие теперь чуть в стороне от остальных. Пока говорил, он заглядывал морпехам в глаза. Большинство присутствующих, похоже, слушали внимательно, даже с любопытством глядя на нового командира, готовые просто делать свою работу. Некоторые, однако, не казались такими открытыми.

Особенно один мужчина, слегка сузивший глаза и вздернувший уголок рта, будто собирався вот-вот презрительно усмехнуться. Бледный и худощавый, с ястребиным носом, он буквально излучал протест. Бракетту уже приходилось выдвигать таких – вызывающе и враждебно ведущих себя любителей похихикать, пошептаться и побрюзжать. Ястребиный Нос заслуживал определенного внимания, но он был не единственной заботой Бракетта. Еще трое стояли рядом с ним. Эти не смотрели с насмешкой, как Ястребиный Нос, но Бракетт видел в них напряженность и жесткость и, вроде бы, заметил, как они несколько раз молча переглянулись.

На Ахероне существовали некоторые опасности, но в целом это могло оказаться относительно простым назначением. Бракетт намеревался позаботиться о том, чтобы Ястребиный Нос и его друзья не добавили ему трудностей.

– Ладно, пока это всё, – произнес капитан, обводя взглядом отряд. Крепкая группка, и большинство понятливые и отзывчивые. – В следующие несколько дней я хочу немного побеседовать с каждым из вас. Если мы проведем это время вместе, как в раю, то хочу знать тех, кто будет меня прикрывать, и хочу, чтобы вы все знали, что я буду прикрывать вас.

Может быть, в этот момент и сыграло его воображение, но он был уверен, что левый уголок рта Ястребиного Носа вновь слегка поднялся в своей усмешке.

– Это все. Разойтись. – Бракетт посмотрел направо. – Лейтенант Парис. Сержант Кохлин. Задержитесь на минуту, пожалуйста.

Он подождал, пока остальные покинут помещение. Некоторые начали тихо переговариваться между собой, даже не дотерпев до коридора. Бракетт не собирался на это обижаться. Они просто познакомились с новым командиром – вполне естественно было предаться рассуждениям, какой занозой в заднице он для них станет. Он дождался, пока все выйдут, и остался наедине с Парис и Кохлином.

– Ну, как я им? – спросил он, поворачиваясь к ним.

– Хорошо, капитан, – ответила Парис. – Они пока не знают, чего от вас ждать, но уже скоро себя покажут.

– Не уверен, что мне этого хотелось бы, – задумчиво проговорил Бракетт. А затем нахмурился. – А тот парень с ястребиным носом... кто он такой?

Парис с любопытством наклонила голову:

– С ястребиным носом?

Кохлин понял, кого он имел в виду.

– Это Стамович. Рассказывать о нем особо нечего, но если вы хотите знать, доставит ли он хлопот...

– Ответ: может быть, – перебила его Парис, и Кохлин кивнул. – Стамович – колючий сукин сын, который, наверное, самостоятельно пробил себе путь из мамкиной утробы, но он будет вести себя хорошо, если Дрейпер не скажет ему иначе.

– Сержант Марвин Дрейпер? – спросил Бракетт, сузив глаза. – Я читал его дело. Две пометки о несоблюдении субординации, но это было много лет назад. Так мне стоит о нем беспокоиться? В смысле, если этот парень может приказывать рядовому Стамовичу, что ему делать...

– Дрейпер управляем, – сказала Парис. – Он понимает, что сидит на убогой глыбе в далеком космосе, где сердить командира – не лучшая идея. И пока он не нарушает прямые приказы, лучше всего просто игнорировать его, насколько это возможно.

Бракетт сдвинул брови.

– Если этот сержант держит Стамовича на каком-то поводке, то как я должен...

– Не только Стамовича, капитан, – оборвал его Кохлин. – Есть еще несколько человек, которые готовы идти за Дрейпером.

Все еще прищурившись, Бракетт отвернулся, чтобы изучить помещение, мысленно наполнив его людьми. Он попытался припомнить лица членов отряда и места, где они стояли.

– И который из них был Дрейпер? – спросил он.

Парис покачала головой:

– Его здесь не было. Он и Юсеф на выезде с изыскательской бригадой.

– Почему так?

– Стандартная процедура, сэр, – ответила Парис. – Каждый раз, когда админ высылает бригаду, двое наших людей направляются вместе с ними.

Бракетт заморгал.

– Зачем Колониальные морпехи нужны на гражданских вылазках? У колонистов своя работа, у нас своя. Мы должны обеспечивать безопасность самой колонии, а не отдельных ее жителей.

Парис посмотрела на Кохлина, но тот лишь пожал плечами.

– Они просто следуют типовой инструкции, капитан, – объяснил Кохлин. – Так было еще до того, как я здесь оказался.

– Эл Симпсон был здесь с самого начала, – продолжила Парис. – Если кто и сможет ответить на этот вопрос, то это он.

Бракетт сделал глубокий вдох. Он не собирался раскачивать лодку в первый же день, но мысль, что пехотинцы изо дня в день рискуют своими жизнями вне рамок своих служебных обязанностей, не укладывалась у него в голове.

– Приступайте к своим обязанностям, – сказал он. – Я поговорю с Симпсоном, а потом буду заселяться. Встретимся здесь же в тринадцать ноль-ноль.

Парис и Кохлин отдали честь, но Бракетт уже почти не смотрел на них. Он размышлял об отсутствовавшем сержанте Дрейпере. Неужели начальство не ввело его в курс дела, отправляя на Ахерон, или колониальная администрация использовала пехотинцев для корпоративных задач, не имея на то разрешения?

Капитан вышел из комнаты и направился в административный узел. Меньше всего ему хотелось ссориться с Элом Симпсоном в день своего прибытия, но Бракетт провел столько лет в Колониальной морской пехоте, занимаясь любыми задачами от перестрелок до охоты на жуков, и был награжден Галактическим Крестом не для того, чтобы стать собачкой на поводке Корпорации в какой-то заднице Вселенной.

Нахмутив брови и потерявшись в мыслях, он свернул не туда и чуть не столкнулся с мужчиной и женщиной, шедшими навстречу.

– Прошу прощения, – пробормотал он.

Едва слова слетели с его губ, как он заметил легкий вздох, вырвавшийся из груди женщины. Сначала Бракетт подумал, что она испугалась от того, что они чуть не столкнулись, и хотел было извиниться еще раз. Затем уловил, как странно на женщину посмотрел ее спутник, но лишь переведя взгляд обратно, понял, что она вздохнула от потрясения, узнав капитана.

– Демиан? – проговорила женщина, и черты ее лица просияли в лучезарной улыбке. – Что ты тут делаешь?

Все напряжение и растерянность как рукой сняло. Бракетт улыбнулся в ответ и издал радостный смешок. В «Надежде Хадли» сто пятьдесят восемь колонистов, не считая его морпехов, а он уже практически налетел именно на нее.

– Привет, Энн, – вымолвил он.

«Я и забыл, как ты красива», – едва не вырвалось вслед. Но затем он перевел взгляд налево, заметил смущение на лице ее спутника и увидел связь, что на какой-то миг от него ускользнула.

Бракетт протянул руку.

– Вы, должно быть, Расселл Джорден.

– Расс, – настороженно представился мужчина, пожав руку.

– Капитан Демиан Бракетт, Расс. Очень рад познакомиться с человеком, достойным быть мужем этой женщины.

– Да... спасибо, – осторожно ответил Расс, но во взгляде все еще была заметна некая опаска. Бракетт не мог его в этом винить – мужьям обычно не нравятся бывшие их жен.

Энн же по-прежнему улыбалась, но уже не так лучезарно, а скорее заинтригованно.

– В самом деле, Демиан, – продолжила она. – Что ты делаешь на Ахероне? Я и подумать не могла, что встречу тебя здесь.

Годы, прошедшие с их последней встречи, добавили ей несколько морщинок вокруг глаз, а время, проведенное в дикой глуши далекого космоса, сделало ее саму какой-то диковатой. Но так она казалась ему лишь красивее. Ее лицо обрамляли спутанные кудри, а фигура от тяжелого труда стала мускулистой и статной. Глаза горели бесстрашной решимостью, свойственной тем, кто выбрал себе сложный жизненный путь.

«Она замужем за другим», – напомнил себе Бракетт. Не то чтобы ему так уж требовалось это напоминание, когда Расс Джорден изучал его своими суженными, почти как у рептилии, глазами.

– Здесь мой новый гарнизон, – объяснил Бракетт. – Морпехи «Надежды Хадли» теперь у меня в подчинении.

– Это... это... – замялась Энн.

– Потрясающе, – пришел на выручку Расс, надевший теперь вежливую улыбающуюся маску. – Добро пожаловать на борт, мистер Бракетт. Жизнь тут несладкая, но мы пробыли в этом месте так долго, что оно уже кажется нам родным. Думаю, любое место может стать домом, если там растут твои дети, верно?

– Так говорят, – ответил Бракетт. – У меня-то детей нет, но я завидую вам обоим.

Энн перевела взгляд с Бракетта на мужа, и все почувствовали явную неловкость. Она словно пыталась найти верную комбинацию слов, чтобы смягчить это неудобство, но тут по коридору донесся голос:

– Капитан Бракетт, вот вы где!

Повернувшись, Демиан увидел Эла Симпсона, неуклюже приближавшегося к ним. Похоже, этот человек постоянно был чем-то недоволен.

– Я как раз шел к вам, – сказал Бракетт, сообщая своим тоном, что недовольство было чувством, доступным не только администратору.

– Что ж, очень вовремя, – ответил Симпсон. Если он и уловил раздражение в голосе капитана, то не выдал этого. – Слушайте, у нас тут небольшая критическая ситуация, и в нее вовлечены некоторые из ваших людей. Я созвал совещание в зале заседаний, и вам стоит там присутствовать.

– Во сколько начало? – спросил Бракетт.

– Сейчас.

Энн обеспокоенно взглянула на мужа.

– Это по поводу Отто и Кёртиса? – спросил Расс у Симпсона. – Мы как раз шли поговорить с вами.

По лицу Симпсона пробежала тревога.

– С братьями Финч все нормально. Буря здорово разыгралась в их секторе, но они нашли укрытие. Все хорошо. А сейчас, если позволите, мне нужно обсудить с капитаном Бракеттом вопрос, касающийся его отряда.

Симпсон взял Бракетта под локоть и резко повернул его в сторону административного узла. Капитан оглянулся на Джорденов. Расс смотрел им вслед, но Энн повернулась к мужу с обеспокоенным и побледневшим лицом. Бракетт на миг пожалел, что принял назначение на Ахерон, но тут же прогнал эту мысль. Он прибыл в «Надежду Хадли» не только затем, чтобы снова увидеть Энн Джорден.

Или нет?

Он высвободился из хватки Симпсона и бросил на того косой взгляд, когда они торопливо шагали по коридору и, пройдя мимо ответвления в другой коридор, увидели застекленный административный узел командного блока с царившей в нем суетой.

– А вы не очень хороший лгун, – заметил Бракетт.

– Простите? – огрызнулся Симпсон, от раздражения изменившись в лице.

– Не знаю, кто такие братья Финч, но кем бы они ни были, с ними не все нормально, – он помолчал, а затем добавил: – И я очень сомневаюсь, что Энн тоже вам поверила.

– Мне и не нужно, чтобы она поверила, – сказал Симпсон. – Она работает на меня. Так, может, позвольте уже мне побеспокоиться за своих людей, а сами побеспокойтесь за своих?

Когда они прошли командный блок и свернули за угол, Бракетт присмотрелся к администратору получше. На первый взгляд тот ничем не отличался от сотни мартышек-управля-

ющих низшего звена, которых он встречал, но все же существовала вероятность, что Симпсон был умнее, чем казался.

Чуть дальше по коридору они остановились перед дверью с табличкой: «ПРОВОДЯТСЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», и Симпсон ввел цифры на панели, чтобы войти.

– Вы затронули любопытную тему, – начал Бракетт, – о грани, разделяющей ваших людей и моих.

Симпсон убедился, что дверной замок за ними был снова заперт, и отошел к другой двери, белой, в дюжине футов от первой, явно ожидая, чтобы Бракетт последовал за ним.

– Что бы вы ни собирались сказать, погодите, – фыркнул администратор. – У нас сейчас есть дела поважнее, чем меряться членами, пока вы тут устанавливаете свою власть.

Бракетт ускорил шаг, борясь с желанием схватить Симпсона за шкуру и стукнуть лицом о дверную раму. А войдя в белую дверь, они оказались в комнате, где находилось слишком много свидетелей для подобных выходок. Капитан и так бы этого не сделал – наверное, – но на виду у вытаращивших глаза молодых лаборантов в белых халатах и нескольких ученых постарше в гражданской одежде он уж точно не собирался разбивать администратору нос.

Халаты сгрудились вокруг троицы старших исследователей: это были седовласый японец, мужчина с мрачным взглядом и винного цвета родимым пятном, тянувшимся от горла к подбородку, и женщина лет шестидесяти, такая худая, что напомнила Бракетту схематичных человечков, которых он рисовал в детстве.

Единственный из присутствующих, кто не был похож на ученого, стоял на некотором отдалении от стола, сморщив лоб. Он был явно недоволен и всем видом напоминал человека, ждущего, пока его дети наиграются на площадке, чтобы можно было пойти домой.

– Капитан Бракетт, знакомьтесь: доктора Мори, Риз, Идальго и их башковитая команда. Доктора кивнули. Симпсон показал рукой на мужчину, стоявшего в стороне.

– А этот угрюмый человек в углу – Деррик Расселл, он заведует мероприятиями по тер-раформированию.

– Капитан, – поздоровался Расселл, кивнув.

Бракетт приблизился к столу, чтобы пожать всем руки.

– Добро пожаловать в «Надежду Хадли», капитан... – начал Мори.

– Ладно, хватит, – сказал доктор с мрачным взглядом, и его родимое пятно стало чуть темнее. – У нас нет времени на эту ерунду. Доктор Идальго, прошу, введите капитана в курс дела.

Схематичный человечек выровнялся в кресле. Бракетт заметил, что у доктора были добрые глаза. И в этот момент – встревоженные.

– Двое наших разведчиков, Отто и Кёртис Финчи, попали в атмосферную бурю пятой степени. Такие бури проходят редко и локализованно, а их продолжительность трудно предсказать, – рассказала доктор Идальго. – Финчи и сопровождающие их пехотинцы вынуждены были оставить свою машину и укрыться в атмосферном процессоре, – в этом месте она бросила испепеляющий взгляд на Расселла, после чего продолжила: – Этот процессор не работал по меньшей мере шесть месяцев. Записи нечеткие...

Бракетт поморщился и выставил перед собой руку.

– Послушайте, прежде всего, я не понимаю, почему мои люди там оказались, но...

– Потом, капитан, – оборвал его доктор Риз.

Бракетт глянул на Симпсона.

– Потом, – подтвердил администратор.

– Они в беде, – сообщил Деррик Расселл, выделив последнее слово таким образом, чтобы убедиться, что все присутствующие верно расставили приоритеты. – Процессор неисправен...

он засорился... и из-за бури его состояние ухудшается. Из укрывшихся там инженерными знаниями обладает Кёртис Финч, но он ранен.

Бракетт напрягся.

– И через сколько блок должен взорваться?

– Отсюда мы не можем точно сказать, – ответил Симпсон. – Буря не позволяет не только наладить связь, но и отслеживать сигналы процессора. Поэтому мы и не знали о его неисправности. Пока это не критично, но, насколько мы можем сказать отсюда, к этому все идет.

Бракетт пристально посмотрел на него.

– У вас есть тяжелый вездеход? Почему мы вообще это тут обсуждаем? Пошлите кого-нибудь туда!

Доктора Мори и Идальго обменялись неразборчивыми взглядами.

Улыбка доктора Риза напомнила Бракетт акулю.

– За этим вы и здесь, капитан, – сказал Риз. – С ними два колониальных морпеха, а ваши ребята никогда не бросают друг друга. Мы предположили, что вы со своим отрядом пожелаете сами их спасти.

Бракетт не пробыв в «Надежде Хадли» и полдня, но ему уже хотелось придушить большинство тех, кого он тут встретил.

– Значит, вы отправляете морпехов, чтобы порешать свои дела, – ответил он, – а теперь ждете, что мы будем делать еще и грязную работу?

Доктор Мори погладил острые лацканы своего пиджака.

– Раз уж будете там, – произнес он, – Компания будет вам признательна, если сохраните образцы, собранные командой перед тем, как случилась эта накладка.

Бракетт посмотрел на японца, но ничего не ответил. Зато пожалел, что не ударил Симпсона раньше. Сейчас он, стиснув зубы, говорил себе, что нападение на престарелого ученого из «Вейланд-Ютани» не будет одобрено его начальством.

– Накладка, – повторил он, и это слово прозвучало в его ушах как ругательство.

Все присутствовавшие ученые просто смотрели на него с ничего не выражающими лицами. Лишь Расселл и доктор Идальго выглядели так, будто им было слегка неудобно.

Бракетт повернулся к Симпсону:

– Приготовьте тяжелый вездеход.

– Он уже готов, – ответил тот.

– Хорошо. Вызовите сержанта Кохлина. Скажите, что у него есть три минуты, чтобы взять пятерых пехотинцев и прийти к моей квартире.

Сказав это, капитан развернулся и вышел в коридор.

«Накладка, – подумал он. – Вот уж в самом деле, добро пожаловать на Ахерон».

8

БУРИ ВИДАННЫЕ И НЕВИДАННЫЕ

ДАТА: 10 ИЮНЯ 2179 ГОДА

ВРЕМЯ: 12.32

Энн и Расс Джордены шагали по коридору бок о бок, соединенные многолетними узами брака и той упругой паутиной, что связывала их, даже когда они отдалялись друг от друга. Энн раздражали звуки тяжелой поступи мужа, когда он, как сам думал, шел спокойно, но на самом деле был рассержен. Она ощущала исходящую от него тревогу, и ей самой хотелось бежать прочь.

Если бы только у нее было такое место, куда можно было улететь, хоть ненадолго, чтобы снова прийти в себя. Но куда в «Надежде Хадли» было деваться, чтобы Расс не сумел ее найти? Или где ее не побеспокоили бы, пусть даже из лучших побуждений, друзья?

Никуда.

– Все еще хочешь есть? – спросил Расс, коротко и отрывисто, будто едва раскрывая рот.

– Ну, если ты голоден, – ответила она осторожно. Они собирались узнать у Симпсона насчет братьев Финч, а потом отправиться в столовую. Сейчас же ее живот был полон чего-то, что, по ощущениям, казалось враждующими стаями бабочек.

– Может, в игровую комнату? – спросил Расс.

Все так же односложно. Обеспокоенность перерастала в гнев. Ей хотелось ударить его. Энн любила своего мужа – от щетины на небритом подбородке до почти комично тонких лодыжек. За годы, проведенные вместе, они очень много смеялись. Были отважными, иногда немного сумасшедшими. Пересекли всю галактику и растили детей так далеко от Земли, что шутили: если те когда-нибудь вернутся на родную планету, их сочтут там пришельцами.

Энн и Расс переживали трудные годы, но всегда были вместе, одной командой, и это оказалось важным, когда однообразие жизни в «Надежде Хадли» ввергло их обоих в клаустрофобию. В день, когда Расс признался, что иногда чувствует себя, точно заключенный в тюрьме, Энн плакала до тех пор, пока он не признался, что лишь ее любовь и присутствие Тима и Ньют сохраняли ему рассудок.

У них по-прежнему случались хорошие деньки – и даже чудесные, – но нервы у обоих уже были на пределе. Иногда Энн не могла уснуть по ночам и чувствовала, будто разваливается на куски. Но потом слышала смех Ньют или видела, как Тим пытается изображать мужскую походку отца, и все снова становилось хорошо.

Но не в этот день.

Энн Джорден знала каждый жест, каждое движение мужа. Они не дойдут до рекреационного центра. Едва эта мысль утвердилась у нее в голове, Расс нырнул в служебный коридор и повернулся к ней лицом. Энн хотела было пройти дальше – может, корабль еще не ушел, – но вместо этого вошла в тот тихий коридор вместе с мужем. Прошедший мимо рабочий лишь посмотрел на них, не замедлив шаг.

– Что он, черт возьми, здесь делает? – прошептал Расс, почти переходя на шипение. Он попытался заглянуть ей в глаза, но затем отвернулся, будто готовя себя к ее ответу.

– Понятия не имею, – упорствовала Энн.

Он сузил глаза.

– Думаешь, я в это поверю? Представь себе, как далеко мы от Земли, как много сейчас развелось колоний и как мало людей захотят отправиться сюда. Хочешь, чтобы я поверил, что мужик, с которым ты когда-то спала, оказался здесь просто так? Вот прям здесь?

Энн почувствовала, что ее заливают румянец. Сердце подскочило в груди, в висках застучало. Она сделала шаг вперед и ударила Расса по плечу.

– Эй, какого хре... – начал он.

Она толкнула его в грудь раз, потом еще один.

– Подумай головой, Расселл, – прошипела Энн. – Неужели за все эти годы твой мозг так заплесневел, что ты стал не способен мыслить логически? Откуда, черт возьми, я должна знать, что Демиан тут делает? Я не общалась с ним с тех пор, как мы покинули Землю, – она отступила назад и посмотрела на него. – Ты что думаешь, я все это время крутила межгалактический роман? Ну конечно, почему нет – всего каких-то тридцать девять световых лет, – она помолчала, а потом добавила: – Ты что, совсем из ума выжил?

Расс просто смотрел на нее, кипя от злости и раздражения. Но затем ее слова дошли до него, и он провел ладонями по щетине на щеках.

– Нет, – признал он. – Конечно, нет... это просто...

– Безумие.

– ...глупость, – сказал он. – Но если это совпадение... то это уже безумие.

Энн взяла его руку и провела большим пальцем по костяшкам почти бессознательным движением. Она знала, его это успокаивало, и делала это не думая, так же, как и он едва ли осознавал производимый эффект. Их брак состоял из тысяч таких уютных мелочей.

– Не буду тебе лгать, Расс, – спокойно проговорила Энн, – я очень рада, что Демиан здесь. У нас есть друзья в «Надежде Хадли», но встретить кого-то, кто хорошо меня знает, – это просто неожиданное удовольствие. Мы с Демианом когда-то были вместе, но до этого просто долго дружили. Были настоящими друзьями. Он хороший человек, и я хочу узнать, как он жил с тех пор, как мы виделись в последний раз... Но ты теперь мой муж.

Расс выдохнул, повернулся и прислонился к стене.

– Я вроде как идиот, да?

– Вроде как? – мягко улыбнулась Энн.

Вдруг послышалось хихиканье. Оно расходилось эхом по главному коридору, а за ним раздавался звук чьих-то бегущих ног. Джордены одновременно повернулись и увидели, как несколько детей пробежали мимо служебного коридора, где они стояли, с клочками бумаги в руках. Большинство из них были не старше семи лет, и вместе они составляли банду маленьких мародеров, которые носились сразу по двое или трое. Энн заметила пылающую рыжую шевелюру Луизы Кантрелл, а за ней – знакомые светлые космы их шестилетней дочери Ребекки.

– Ньют! – позвала она дочь.

Девочка затормозила. Пока она поворачивалась к коридору, ее чуть не сбил с ног старший брат, Тим.

– Ребекка, ты чего...

Ньют стукнула его в грудь.

– Смотри куда прешь, тупица, – сказала она и двинулась к матери с отцом. – Что это вы там делаете?

Расс ухмыльнулся.

– Нам нужно было спрятаться, чтобы как следует нацеловаться.

– Фу-у-у! – воскликнула Ньют, но потом все-таки захихикала. – Вы такие портивные!

– Противные, – поправил сестру Тим, закатив глаза.

Ньют кивнула:

– Точно.

– От вас аж неловко, – заявил Тим родителям. У него были такие же светлые волосы, как у сестры, но он, в свои неполные десять, уже начинал взрослеть, вырастая из того маленького мальчика, которым был раньше.

– Стараемся, – ответила ему Энн.

Мимо пробежали несколько других детей, включая друга Тима, Аарона, который крикнул ему, что Джордены сейчас проиграют.

– Тим, давай уже! – взмолилась Ньют, пытаясь протолкнуть брата вперед; ей не терпелось продолжить сеять тот хаос, который задумывался.

– Чем вы все там занимаетесь? – спросил Расс. – Кроме того, что носитесь как угорелые?

– Находим предметы, – ответил Тим, и Ньют взяла его за руку и потащила в главный коридор. – Пока! – только и бросил он через плечо.

Расс довольно кивнул головой, наблюдая, как дети убегают. Какие бы события они не переживали в последние несколько лет, сердце Энн по-прежнему таяло, когда она видела, как муж проявляет свою любовь к их детям.

– Эй, – сказала она, сжав его руку и вытягиваясь, чтобы поцеловать в щеку. Энн заглянула ему в глаза. – Волноваться не о чем, слышишь? Совершенно не о чем. Это наш дом, и мы сильны вместе, ты и я. Наша семья в целости и сохранности.

Расс, улыбнувшись, повторил:

– В целости и сохранности.

Но она все же не могла не заметить следа грусти в его глазах. Как бы Энн ни была рада видеть Демиана, она знала, что мужа и дальше будет тяготить присутствие ее бывшего.

Рассел позволил ее руке выскользнуть из его.

– Проголодалась?

– Если честно, умираю с голода, – призналась она. – Аппетит вернулся.

Они вошли в столовую вместе, держа руки по бокам и почти не соприкасаясь. Расс присмирел, и Энн почувствовала дрожь неспадающего напряжения между ними. Сомнения и страхи соединялись в одно, отталкивая их друг от друга.

«В целости и сохранности», – сказала она про себя, не зная, обет это или мольба.

ДАТА: 10 ИЮНЯ 2179 ГОДА

ВРЕМЯ: 13.37

За рулем тяжелого вездехода сидел немолодой уже пехотинец по имени Альдо Кроули. Кожа у него была как будто дубленая, а там, где отрастали волосы – он был коротко стрижен – серая, но яркий блеск в медных глазах говорил о том, что он мог быть не настолько стар, как казался.

Но он был. В январе Альдо Кроули исполнился сорок один год. Он был потомственным пехотинцем – ни достаточно умным, ни достаточно амбициозным, чтобы подняться выше сержанта, и понижался до капрала каждый раз, когда отказывался подчиняться приказам старших офицеров, которые были куда зеленее, чем он в первый свой день в форме.

Бракетт узнал все это в первые шестьдесят секунд беседы с Джулисой Парис на тему того, каких членов отряда стоит привлечь к спасательной миссии. Кроули был первым, кого она предложила, а потом уже – пару крепких рядовых, Ченовского и Хауэра, заработавших репутацию тех, кто не наложит в штаны, если ситуация станет тяжелой.

Также капитан взял с собой и лейтенанта Парис, плюс первых трех пехотинцев, которые попались ему на глаза в лихорадочные мгновения подготовки – Нгуена, Петтигрю и Стамовича.

– Не совсем понимаю, почему вы берете меня с собой, капитан, – заметила Парис.

Бракетт осмотрел просторный салон тяжелого вездехода. Остальные выстроились на скамейках вдоль переднего отсека. Задняя часть машины использовалась для хранения оборудования и грузов.

Он посмотрел на Парис. Из-за грохота двигателей и шума, с которым вездеход пробирался по ахеронской земле, никто из остальных не услышал бы, если бы он ответил на вопрос. Но что ему было сказать? Что он хотел видеть ее рядом, потому что доверял ей, хоть и знал

лишь несколько часов? Что она знала местность, пехотинцев и природу атмосферных бурь? Любое из этих признаний выдавало бы в нем некоторую слабость.

И вместо ответа он повернул вопрос иначе:

– У вас есть опасения, что сержант Кохлин не сможет принять командование в наше отсутствие?

Парис нахмурила брови:

– Никаких.

– Вот и хорошо.

Лейтенант пристально посмотрела на него, но вездеход сильно трясло и она, отвернувшись, стала просто вглядываться сквозь лобовое стекло. Видимость была неважной еще с момента, как они покинули «Надежду Хадли», и по мере продвижения к «Процессору Шесть» становилась только хуже. У Альдо на щитке имелся целый набор инструментов, которые сообщали данные о местности для радара и термографа. И все равно Бракетт совершенно не понимал, как этот парень видит там хоть что-нибудь.

Сбоку от него на скамье лежала экзомаска. Эти черные штуки с выпуклыми глазами вызывали у него в воображении гигантских, кошмарных насекомых. В основном такие маски кратковременно использовались на планетах и лунах, где атмосфера содержала токсины, но в остальном была пригодна для людей. Также экзомаски широко использовались и во время сильнейших бурь на Ахероне, просто чтобы предотвратить попадание пыли в глаза и рот, облегчив видение и дыхание.

– Скажи-ка мне вот что, – сказал Бракетт, пытаясь растопить лед, что начал образовываться между ним и лейтенантом. – Кто-нибудь когда-нибудь спрашивал, почему морпехов высылают на эти изыскательские выезды? Это просто бесплатная рабочая сила, или наши люди должны следить, чтобы разведчики не отлынивали от работы?

– Я спросила, когда только-только сюда попала, – ответила Парис. – Мой первый командир на Ахероне сказал мне, что это вошло в порядок вещей, когда на Ахерон впервые прибыла команда ученых, то есть лет двенадцать-тринадцать назад. Но разведчики не просто собирают образцы и составляют карты местности.

Бракетт изогнул бровь.

– А что еще им, черт возьми, делать на этой глыбе?

Лейтенант Парис бросила осторожный взгляд на Стамовича и остальных, кто сидел напротив. Спрятала непослушный короткий локон за ухо.

– Это «Вейланд-Ютани», капитан, – ответила она, будто этим можно было все объяснить.

Сидя на скамье, Бракетт стукнулся головой о стену, когда тяжелый вездеход угодил в неглубокую яму, а затем выкарабкался из нее. Возможно, участие «Вейланд-Ютани» и вправду все объясняло. Приказы-инструкции от Корпорации предписывали не только изучение самого планетоида, но и удовлетворение неугасающего интереса Компании к инопланетной жизни – аборигенной или занесенной путешествующими по космосу расами. Но и спустя тринадцать лет после прибытия ученых эта мысль казалась нелепой.

Если и существовала вероятность, что изыскатели найдут хоть что-нибудь интересное их работодателям, они бы уже это нашли. А Компания могла отправлять с ними пехотинцев и из соображений безопасности – просто в качестве меры предосторожности.

Бракетт подался вперед, пытаясь разглядеть что-нибудь за лобовым стеклом. Альдо ни разу не сбрасывал скорость, как бы сильно тяжелый вездеход ни трясся и как бы буря ни закрывала ему обзор.

– Ты хоть что-нибудь там видишь? – спросил его Бракетт, повысив голос так, чтобы его было слышно поверх грохота машины и стаккато гонимых ветром камней о корпус вездехода.

Альдо оглянулся.

– В этом и штука, капитан, – ответил он. – Нужно просто принять, что там нечего видеть, и тогда все будет нормально.

Бракетт затряс головой.

– Так какого хрена они вообще решили устроить колонию на этой проклятой луне?

На скамье напротив Стамович расслышал вопрос и решил ответить:

– Просто остальной Вселенной нужно место, куда они могли бы показать, если дела пойдут неважно, и сказать: «Могло быть еще хуже – мы могли оказаться на Ахероне!».

Нгуен и Петтигрю рассмеялись, согласно закивав. Стамович даже дал товарищу пять, но остальных членов команды, избранной Бракеттом для этой миссии, шутка, похоже, совсем не позабавила. Посмотрев на Ченовского и Хауэра, капитан заметил, что те отводят глаза, и принялся изучать Стамовича.

Тот сидел с нахальным видом и натянуто улыбался. Лейтенант Парис сказала Бракетту, что Стамович подчинялся только сержанту Дрейперу, но сейчас капитан начинал замечать, что в отряде существовало явное разделение, и это его беспокоило. Такие раздоры в рядах могли привести к гибели пехотинцев.

Вездеход сильно накренился влево, а когда стал вылезать из ямы, или что это там было, двигатель взревел. Затем они выровнялась, и Альдо ударил по тормозам. Машина забуксовала в пыли, качнувшись вперед и назад. Он замкнул передачу, а затем повернулся в своем кресле, чтобы взглянуть на Бракетта.

– Приехали, капитан, – сказал Альдо. – И на вашем месте я бы поторопился.

– Буря усиливается? – спросила лейтенант Парис.

Альдо устало усмехнулся:

– Не-а. Процессор горит.

9

ЖЕЛАНИЕ ОТТО

ДАТА: 10 ИЮНЯ 2179 ГОДА

ВРЕМЯ: 13.41

Бракетт выругался, продвинулся вперед, оказавшись между передними сиденьями, и выглянул в лобовое стекло.

Справа от них, в гонимом ветром потоке песка, виделась темная башня «Процессора Шесть». Даже отсюда внутри вездехода были слышны гул и грохот, раздававшиеся в ядре и клапанах и сливавшиеся в некий механический вопль. Из клапанов, расположенных на вершине блока, валил черный дым, и внутри были заметны оранжевые языки пламени.

– Сукин ты... – капитан схватил свою экзомаску и рявкнул: – Выходим! Тут все может взлететь на воздух в любую секунду, и я не хочу быть здесь, когда это случится!

Альдо остался на водительском сиденье, и Бракетт приказал Петтигрю также остаться в вездеходе – всегда хорошо иметь кого-то, кто сможет исполнить роль кавалерии, если дела пойдут плохо. Заднюю дверцу машины можно было опустить до самой земли как трап, но в такую бурю они вышли сбоку и быстро закрыли дверь за собой.

Надев маски, Бракетт и Парис, шатаясь от ветра, повели остальных трех пехотинцев сквозь ветер и пыльную взвесь. Потихоньку, шаг за шагом они подошли к атмосферному процессору. Даже в экзомаске капитан почувствовал, что задыхается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.